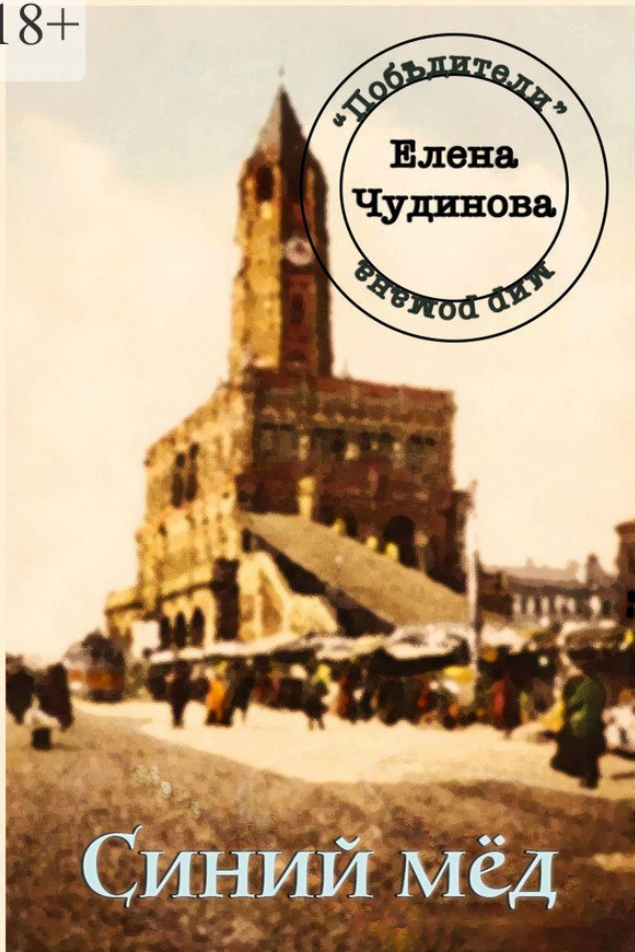

18+

Синий мёд

Елена Чудинова

Синий мёд

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70198291
ISBN 9785006207608*

Аннотация

Минуло десять лет. В Российской империи – «тихие девяностые». Но и в благополучные времена полюбившиеся читателям герои романа «Побѣдители» – Ник, Миша, Лера, Роман, и, конечно, Нелли – встречаются с новыми опасностями и приключениями. Нам предстоит узнать: какие государственные задачи встают перед Ником, как помогает ему Роман, ну и, кто бы сомневался – по каким магическим тропинкам предстоит прогуляться Нелли. Читатели, несомненно, полюбят и новых персонажей, а вот некоторые старые их огорчат.

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	23
Глава V	31
Глава VI	36
Глава VII	45
Глава VIII	52
Глава IX	70
Глава X	76
Глава XI	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Синий мёд

Елена Чудинова

© Елена Чудинова, 2023

ISBN 978-5-0062-0760-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Чем я занималась в ночь на 4-е июля 1995 года

«Лишь круглый идиот умён в семнадцать лет...»

Есть! Слово найдено, ай да Нелли, ай да поганка... Пылком скомкав несколько исчерканных карандашом листов розоватой добрушинской бумаги, я швырнула их в корзину и распахнула окно. Предрассветный час ворвался в комнату запахом липового цвета. Слишком жаркое лето.

Сколько ж переводчиков билось над этой строкой!

On n'est pas sérieux, quand on a dix-sept ans.

Ничего нет страшней таких вот простых строчек. Никто из корифеев с этой не совладал. Ведь жуть берет, что они пишут! «Нет рассудительных людей в семнадцать лет», или «Серьезность не к лицу, когда семнадцать лет»... Или еще: «Едва ль серьезен кто, когда семнадцать лет»... Да от такого легкомыслия засохнуть можно!

Так они и засохли, по чести сказать. Корифеи – они же старики. Старики переводят классику, гербарий гербария призывает. Да только как быть, если классик – наглый бесшабашный щенок, прославившийся в шестнадцать, а к девятнадцати уже скомкавший свою славу и швырнувший ее в корзинку, как только что я – кипу черновики?

Артюр Рембо – щенок. Гениальный щенок. Маленькое чудовище.

Я вложила в строку не заданный ею парадокс. Я, кроме того, была груба. Я справилась, я поймала стремительную мальчишкину тень.

Я вернулась к бюро. Бюро, кстати, тоже французское, дамское, осьмнадцатый век, обретенный на одном из обожаемых мною блошиных рынков. Москва на глазах оборачивалась Парижем. Липовый ли запах был тому виной?

Лишь круглый идиот умен в семнадцать лет.

В бокалах тает лёд на столиках под липой,

И липовый во тьме июльской тает цвет,

И весело бродить с толпою многоликой.

На Монмартре сейчас – каждое кафе манит открытыми столиками под сумасшедшим небом Ван-Гога. А за липами – памятник Эжену Каррьеру – довольно плохой памятник довольно хорошему художнику, не мрачному вопреки своей серебристо-коричневой бедной палитре. Эжен Каррьер писал портрет Верлена. Жаль, что не написал и Рембо. Не успел, надо полагать.

Рембо, конечно, Рембо...

Как там у них, у академиков?

«Вы смотрите вокруг, шатаетесь один,

А поцелуй у губ трепещет, как мышонок».

Когда они в последний раз целовались, эти академики? Я

представила себе вальяжно рассеившуюся на губах мышь.

Нет, по-русски тут и «поцелуй» лишний. И губы, собственно, тоже. Неужели не понятно, что зверушка-то и есть подростковый рот?!

И рот твой как зверок – лукаво ждёт добычи.

Пальцы немного дрожали. Меня переполняло то блаженное безумие, когда не успеваешь не то, что записывать, не успеваешь додумать одну мысль, а ее, как волной, уже накрывает другая.

Потому, что рот он сам по себе, ему целоваться надобно!

И – твой рот, да. Не ваш. В оригинале – всё «на вы», но ведь Рембо – семнадцать лет. Ты.

Теперь, после разгадки первой строки, стихотворение мчалось карьером.

Июль. Семнадцать лет. Шампанским ночь пьянит.

Шаги твои стучат, мозг полон всякой дичи.

И тянет в темноту неведомый магнит,

И рот твой, как зверок, лукаво ждёт добычи.

Потом надо пригладить две первые строки. Покуда оставлю как есть, лишь бы не сбиться с ритма.

«В плену робинзонад безумная душа»?

Нет, академики! Пусть это и близко к тексту, а смысл только затемняет. А смысл-то куда как прост.

В скитаниях своих блаженно одинок

Ты бродишь...

Потому, что главное в Робинзоне то, что он один. И под-

росток тоже. Но не долго.

...Вдруг фонарь блеснет сквозь ветви сквера,

И девичья вуаль раскрылась, как цветок.

(Но под ручку отец – как тучная химера).

Химеры в оригинале нет. Зато на Рембо, когда он это сочинял, они взирали со всех соборов.

И ты бежишь за ней – смешон, сомненья нет,

Но взгляд через плечо, и сердце стукнет гулко,

И замер на губах (стоишь, таращась вслед)

Полуразвязный свист – мотив ночной прогулки.

Еще две строфы... Лишь бы успеть, пока не вышибло из седла...

Ты дням теряешь счет. Уж август моросит.

Она (не ей в упрек) смеется над стихами.

Осточертел друзьям страдающий твой вид.

Но вот ее письмо – и словно сброшен камень.

Тяни свой лимонад! Она сказала «нет».

Жизнь снова предстает занятною игрою.

Лишь круглый идиот умён в семнадцать лет

В кафе, где запах лип июльской порою.

Я раскинулась в креслах, как марионетка, у которой одним махом срезали верёвочки. Я сумела.

А что я, строго говоря, сумела? Перевести Рембо? Или передать своё, вполне русское, о нем представление? Да и то – стоило ли того?

Ну нет, на сей раз я не поддамся эмоциональному по-

хмелью, что неизбежно туманит душу после краткого триумфального мгновения. Пусть сейчас мне тошно глядеть на собственный неровный почерк, я знаю, что с утра стихотворение понравится мне вновь.

С утра? Утро уже имеет быть. Я выключила лампу. Поблескивающий золотым обрезом breviарий, равно как и охраняющий его оловянный солдатик Дроздовец, отнюдь не сделались хуже видны.

Но, сдаётся мне, нынче я вправе спать до полудня. Вот, что такое наслаждение абсолютной свободой, доложу я вам.

Уснула я почти сразу. И ни одна, ни одна тревожная тень не проскользнула в моих сновидениях.

Глава II

Знак

– Вашсиятельство, на завтрак-то чего изволите?

– А... который час? – я сонно улыбнулась Кате, с преувеличенным шумом раздвигавшей шторы.

– Четверть второго. А то, пожалуй, сразу начать обед готовить? Мне же проще.

– Только в деревне в два часа пополудни обедают, попрёк мимо.

– Для вас, питерских, что Москва, что деревня. Довольно уж потягушки-порастушки разводить, всё едино длинней своих пяти футов с тремя дюймами уж не станете.

– Всегда считала, что дюймов во мне – три *с половиною*. – Я натянула одеяло повыше.

– Сказывают, у писателей случается мания величия. Откуда бы взяться этой половине? После двадцати трех лет вы больше не росли, если верить дверному косяку. – Катя, обернувшись уже в дверях, кивнула как раз на деревянного участника спора. – Так что скажете о манных котлетках под земляничкой из Бусинок? Румяных, как вы любите?

– Катя, да что подадите, то и съем. Не хлопчите особо. У меня что-то аппетита нету с утра.

– Какой будет аппетит, коли до свету при электричестве

сидеть? Вставайте уж, пора.

– Сейчас приду. Я уже почти поднялась.

Катя вышла, и я, разумеется, крепче обняла подушку. Нечасто выпадает эдакое счастье: что хочу, то и ворочу. Дома я была б на ногах с десяти утра. А здесь, в моей сперва детской, а после девичьей светелке в родительской квартире, неужели я не вправе поваляться в кровати?

Роман в Чёрной Африке, Петр Романыч подкинут на лето в Бусинки, где тиранит решительно всю родню, наслаждаясь баловством после суровых казарменных будней. Удит рыбу с Ксюшей и дедушкой, сидит за микроскопом с бабушкой, разглядывая шлифы древних кораллов, стреляет из лука с Милой, и, вне сомнения, строит в парке шалаши и лазает на старые берёзы. Девицы уже совсем большие, поэтому тоже изрядные ему баловальщицы.

С другой стороны, все учебные семестры уж так у них там строго... Дисциплина. Такие маленькие, а уже никаких поблажек. Ладно, что уж... Сколько с Романом об этом говорено. Вероятно, он и прав.

– Вашсиятельство, долго ждать-то еще! Всё стынет!

– Я сейчас!

Чем больше спишь, тем больше хочется поспать ещё. Давно проверено. Я пустила на полную мощь холодную воду. Очень холодную. Бррр... Но взбадривает, не поспоришь.

Ничего взаправду не остыло, да и не допустила бы Катя. Две золотистых румяных котлетки только и ждали, когда

на них упадет земляничное варенье.

Хрустальная резетка была из моего с детства любимого прибора. Их в нем четыре штуки (заметим, я ни одной за все детство и не разбила!), по масти карт: кёровая, трефовая, пиковая и бубновая. На сей раз Катя поставила кёровую: эдакое красное сердечко получилось, с вареньем-то.

Катя, хоть и глумится понемногу, но все ж приездам моим рада. Вон, и новостная панель выключена, помнит, что я последние годы больше люблю завтракать в тишине, хотя самое предпочитает и потоки новостей, и песни, и «спектакли в доме». Эх, знать бы, отговорила бы в юности Бетси от этой глупой затеи! Не могу понять. Если лень поехать в театр либо в кинотеатр, лучше сядь книгу почитай, я так полагаю.

И газеты сложены под рукой, и аппетит понемногу появился. Тем паче, в родительском доме всегда работает правило насчет съеденного самостоятельно завтрака и отданного врагу ужина. Поэтому, пока убывали котлетки и варенье, на столе явились филипповские булочки, сметана, шевр.

– Не хочу сыру. А мёд есть? Только не покупной, с нашей пасеки?

– Ну, есть немножко. Поди в сотах хотите?

– Лучше в сотах, – балованным, не хуже, чем у Пети в Бусинках, голосом ответила я, пощипывая круассан. Но у меня ведь тоже каникулы, а в этих стенах я всегда чувствую себя невзрослой. Впрочем, когда я чувствую себя взрослой? Только название, что жена и мать, а на деле не пойми что.

– Ладно, поищу и в сотах.

Воск я с детства любила жевать даже и без мёда, обгрызала свечки. Насилу отучили.

Сегодня с Наташей повидаться не удастся, какое-то у нее важное дело. Ну да ничего, подумаю покуда, как ей лучше обо всём рассказать. Трудности Даши, они только несведущему могут показаться пустяком, а на деле – совсем и не пустяк. Другая бы рада-радехонька оказаться Ея Величеством, да только Даша Воронцова – не другая, а та самая.

Ничего не оказалось для меня легче, чем принять и полюбить невесту, а затем жену Ника. Такой жены и достоин Ник. Ничего, Даша справится. Справится со всем, что ей трудно. Конечно, Ник не в полной мере понимает, сколь велика принесенная ею жертва... Мужчинам трудно понять некоторые вещи. А Наташа что-нибудь непременно придумает.

– К обеду хариусов подам, от Сергей Константиныча посылка приходила. Маринованные. Вот ваш мёд.

Катя забрала у меня пустую тарелку и поставила блюдечко с аккуратно нарезанными кусочками сотов.

– Он что, прошлогодний? Странный какой-то.

– Почему прошлогодний? – удивилась Катя. – Самый свежий, первый в этом году.

Но вид того, что лежало передо мною на белом севрском фарфоре, при внимательном рассмотрении был слишком странен, чтобы списать странность и на прошлый год.

– Он же синий. Или – зелёный? Даже не пойму. В жизни

не видела такого мёда.

– Вот они, ординаторы-то до чего доводят! – Катя всплеснула руками. – Переутомили глаза?! Сейчас же звоню Аделаиде Ивановне, записываю на приём! Шутка в деле, цвета в глазах путаются...

– Погодите с Аделаидой... А по-вашему – этот мёд какого цвета?

– Обыкновенного... Золотистого, что ли... Мёд как мёд. Господи, да что это с вами? На вас лица ж нет!

– Ничего страшного. Голова закружилась немного. Да, мёд как мёд. Я вправду лишнего утомилась вчера. – Я торопливо поднялась из-за стола. – Спасибо.

– Не доели ничего!

– Переоценила свои возможности. Я сыта, всё в порядке. Я торопливо вернулась в свою комнату.

– Ванну сейчас принимать будете?

– Катя, мне некогда. Я совсем забыла, а у меня срочное дело. Уже опаздываю даже.

Одеваться в июле недолго. Я торопливо влезла в белое льняное платье, не глядя в трюмо заколола волосы двумя черепашковыми гребёнками. Ключи! Главное – ключи, они же у меня есть... Да, вот она, в ящичке: связка со смешным брелочком в виде стеклянного глаза. В древнерусском языке стеклянный шарик и назывался – глаз, глазок, а глаз был – око. Что только не лезет в голову в такие минуты... Это помрачение, этого не может быть.

Только сине-зелёный воск сочится сейчас на кухне сине-зелёным мёдом на белый фарфор. Ко всему остальному страшно даже и приглядываться.

Это не помрачение.

– Автомобиль-то нужен? – Катин голос звучал встревоженно. Притворство моё, видно, не вполне удалось.

– Нет, мне близко.

Ближе некуда. Пятнадцать минут пешком.

Я уже сбегала по ступеням.

Глава III

Это случилось

Сумочка не попалась мне под руку, и я ее не искала. Я выбежала во двор, сжимая связку ключей в руке.

В первый раз в жизни, вероятно, я промчалась мимо памятника Адмиралу у Института Морских исследований, не «поздоровавшись» с ним.

Я бежала мимо девочек, кидавших серсо меж вазонами с геранью. Я бежала мимо любимого кафе «Монплеизир», и мимо уличной выставки незнакомого художника: чёрное кепи, из-под которого спадала на плечи седая грива кудрей... Зацветающие липы бросали трепещущее на ветру кружево теней на заботливо расставленные пейзажи... Сама же листва этих лип...

Нет!! Я на бегу отводила глаза от куп деревьев и газонов. Нет! Я не буду *на это* смотреть!

Мой бег походил на сонный кошмар, но я уже знала, что пробуждения не будет.

Вот он, тринадцатый дом по Калужскому тракту.

Я даже не поздоровалась с консьержкой Розой Хасановной, запрыгнула на ползущую ленту лифта, которая поднялась уже выше площадки – не дожидаясь следующей кабинки.

Знакомая дверь грушевого дерева с несколькими орнаментальными завитками вокруг медной цифры 35. Я нажала на кнопку звонка.

Соль-диез-си. Фа-диез ми.

Признание в любви прозвучало уж слишком громко.

Квартира откликнулась тишиной.

Соль-диез-си. Фа-диез-ми.

Откройте, пожалуйста, ну не надо так, откройте!

Соль-диез-си. Фа-диез-ми.

Пустота. Ни движения, ни звука в квартире.

Соль-диез-си. Фа-диез-ми.

Брелок-глазок весело закружился на своей цепочке. Я утопила ключ в замке.

Никто не кинулся мне под ноги: эрдель Кирби уж три года, как отправился «в страну собак», о которой когда-то на всякий случай было рассказано маленькой Гуньке. Прекрасную страну, где так весело бегать собакам, где прыгучие мячики валяются прямо в густой траве – вперемешку с сахарными косточками.

– Наташа! Наташа!!

Мой голос звучал как-то особенно громко, как бывает, когда из квартиры вынесена вся мебель.

– Наташенька!

Гостиная, кабинет, столовая... В гостевую комнату я не заглядывала, как и в Гунькину. Я распахнула дверь в спальню.

Нет, Наташа не показалась мне спящей. Хотя от нее веяло каким-то невероятным покоем. Она несомненно отдыхала, хотя и не спала. Она почему-то прилегла на кровать в одежде: возможно – ощутила на мгновение слабость? Голова утопала в подушке, глаза смотрели в потолок, руки лежали на покрывале, бессильно раскинутыми. Немного беспомощно приоткрылся рот, обнажив верхние зубы.

На Наташе, в младенчестве приучившей меня не ложиться на кровать одетой, были серые летние бриджи, серые чулки-гольф и мужская рубашка. Зеленая. Или синяя.

Я, ни разу в жизни не делавшая этого, не колебалась ни минуты. Опустившись на коленки перед кроватью, я протянула руку и опустила пальцами веки. Сначала одно, потом другое. Кто ж знает, как это правильно делают. Кажется, надо было одновременно? Но что уж теперь.

«Вы будете моими глазами».

Лихорадочное волнение, в котором я бежала к Наташиной квартире, вдруг оставило меня. Я сделалась совершенно спокойна.

Я даже ободряюще улыбнулась, когда, найдя в ящике комода простыню, осторожно закрыла Наташино лицо. И вовремя: вокруг кровати жужжала муха. Это было самым ужасным из всего происходящего – это жужжание. Откуда муха... Окна-то закрыты.

Я забралась с ногами в Наташино кресло: прошлого века, с квадратной спинкой. С ним рядом стоял такого же море-

ного дуба квадратный столик на одной ножке. Серебристый китайский гобелен с драконами висел на стене над креслом. Не очень уместный в роли будуара уголок, слишком строгий. Но Наташа любит, чтобы эта мебель, некогда любимая ее де-дом, стояла в спальне. На столике, рядом с трубкой телефона, поблескивали модные цейсовские очки-хамелеон. Теперь совсем не нужные.

Я набрала телефонный номер доктора Лебедева: попросила прийти засвидетельствовать смерть. Он обещал поспешить, присовокупив заботливо, что иных надобных теперь людей распорядится вызвать сам.

Я ощутила немалую благодарность: пожалуй, звать «кошмарного мужика» мне было бы чересчур.

«Кошмарный мужик»... Откуда бы это? Из какой-то книги, о которой, кажется, рассказывала Наташа. Но не могу вспомнить. Нет, не могу.

Шли последние, я понимала это, минуты, когда я еще вдвоем с Наташей Альбрехт. Она посоветовала бы мне подумать. К примеру, о том, когда же случилась беда? Наташа одета. Поднялась она утром или не ложилась?

Вечером, всё случилось ближе к ночи. Летом окна у Наташи всегда растворены настежь, с самого утра. На ночь же их приходится закрывать – иначе налетают полчища мелких ночных бабочек. В это время я наслаждалась переводом Рембо – и ничего, ровным счетом ничего не услышала в ночи. А ведь «ночная темнота несет близким вести». Не всегда,

как выясняется.

Не всегда.

Но сейчас окон растворять нельзя – когда-то я об этом слышала. Хотя в комнате немного душно, дни стоят жаркие. Что это за духи, еле ощутимые в спертom воздухе? Наташа таких не любит. Это не духи, это другое, могла бы и догадаться.

Я всегда ненавидела запах жасмина. Мертвый цветок. Мертвый, бледный, с нотой затаенной черноты. Черный запах бледного цветка.

Я снова протянула руку к трубке телефона.

– Сестра Елизавета... Это Нелли.

– Что случилось, Леночка?

По голосу она поняла, или по оплошности, мною допущенной?

– Простите, мать Евфросинья. По старой памяти ошиблась. Да, у нас беда. Наташа умерла.

В это мгновение там, в Полонии, в Лесне, вдали, за окном, запели колокола. К вечерне? Неужто уже к вечерне?

– Сейчас отслужим по ней. Крепитесь, Леночка. Вам сейчас горевать некогда, горе будет вокруг.

– Я понимаю, мать Евфросинья. Не тревожьтесь за меня, я справлюсь.

– Вы у родителей? Я телефонирую вам к ночи ближе. Храни Господь!

– Спаси Господи, мать Евфросинья.

Я нажала на кнопку разъединения.

Когда-то давно, в этой же комнате, они болтали о Нарышкинском барокко... Больная Наташа, лежавшая на той же кровати, только с открытым лицом – и ухаживавшая за ней сестра Елизавета. А я изумлялась, каким образом умудрились так легко сойтись два столь разных характера.

Два звонка сделано. Но возможно ли уведомить Романа, если я не знаю, где он? Мне и не положено знать, разумеется. Хотя телефоны-«карманники» сейчас воцарены повсеместно, но все ж таки существует же предел их возможностям – из джунглей они не откликаются. У меня есть городской номер для связи с ним, но тут дело выйдет не быстрое. Тем паче откладывать надолго не стоит.

Впрочем... Роман, ведь-ты то, в отличие от меня, глупой, должен услышать: это случилось. Я знаю, ты услышишь, у тебя на все, что связано с Наташей, особый слух. Ты уже слышишь... Ведь правда, брат мой муж, моя опора и защита... Ты уже меняешь сейчас планы, направляясь к ближнему селению, где есть телефонная связь. Ты спешишь к нам, ведь так? Ты нас не оставишь сейчас.

Жасминовый запах сделался сильнее и чернее. Я вылезла из кресла, подошла к кровати, тихонько погладила тело под блестящим льном простыни. Я рядом, друг мой, я здесь.

Надобно еще позвонить Юрию. А лучше Виринее, его второй жене. У Рины лучше получится Юрию сказать. А самое трудное...

Соль диез си. Фа диез ми.

Как скоро успел Лебедев!

Я побежала открывать.

– Нелли? И ты тут? А я сюрпризом.

Гунька тряхнула блестящими, почти черными волосами, спадающими на плечи. Нарядная, в черной шелковой кофточке и коричневой юбке-брюках в мелкий цветочек, с маленьким сак-вояжем в руках, весёлая, двадцатиоднолетняя.

– Чемоданы сейчас Ринат поднимет. Собственно, я не сюрпризом даже, а маме ябедничать-жаловаться: с Фульком поругались. Но и подарок у меня для нее заодно особенный... Для тебя нету, думала, ты в столице. Впрочем, сейчас будем с бельгийским шоколадом чаевничать. Нелли... Нелли?

Глава IV

Вокруг беды

Перед дверью в спальню она замешкалась, дрогнули губы, уже и так бледные. Я взяла ее руку в свою: пальцы мои, я ощущала это, были спокойны и теплы.

– Наташенька... Вот и Лизок прилетел.

Я нагнулась над кроватью, и, словно в какой-то книге, не о Гуньке и не обо мне написанной, приподняла край простыни.

– Мама, ну что ж ты меня не подождала...

Гунька опустилась на ковер у изголовья, не отрывая глаз от утонувшего в подушке лица. Странно: Наташа всегда была несокрушимо сильной. Отчего сейчас она кажется такой трогательно беспомощной?

Я тихо вышла и прикрыла дверь.

На кухонном столе – ноги сами привели меня на кухню, где когда-то (вот же вспомнилось!) мы говорили всю ночь о терзавшем меня сквозняке из иного мира – лежала наполовину опустевшая коробочка Наташиных папирос «Ира». Сколько же лет я не курила?

А ведь с той ночи, с покушения на Ника. Наташа говорила, впрочем, что последнее дело курить, когда тревожишься. Но мне уже не о чем тревожиться. Сейчас позволительно,

сейчас не рассердится даже Роман.

Роман, а тебе ведь уже пора на сцену. Почему молчит телефон? Впрочем, может быть, ты звонишь не сюда, а мне?

Я связалась с консьержкой и попросила, чтобы Ринат, ее сын-подросток, сбегал за моим карманником к Кате.

Очередное признание в любви явило на сей раз действительно Лебедева.

– Недобрый день, Иван Сергеевич, – криво усмехнувшись, поздоровалась я.

– Недобрый день, mademoiselle... Простите великодуш-но, Ваше Сиятельство. – Лебедев глядел удрученно. – Она в спальне?

– Несколько минут погодим, если можно, спешить ведь некуда. Там дочь.

– Лиза в Москве?

– Только что из аэропорта Останкино. Прилетела из Брюсселя.

Я проследовала к папиросе, оставленной на кухне, а Лебедев – за мною.

– Уж поделитесь, что ли. Банально, но и я бы покурил.

Сценки из не обо мне написанной книги сменяли друг дружку: я вообразить не могла, что буду курить вдвоем с доктором Лебедевым. А будто и обычное дело.

– Я всегда этого ждал. – Лебедев, с непривычки, не заметил, как пепельный колпачок сделался слишком уж длинен, и осыпал серыми хлопьями столешницу. – Много лет ждал –

в любую минуту. Но...

– И вы безобразничаете, Иван Сергеич? – чуть улыбнулась Гунька, заходя. – Ладно уж Нелли...

– Я уже перестал. – Лебедев поднялся. – Оставлю вас, дорогие.

– А помнишь, как мама меня учила классиков литературы запоминать? – Гунька достала из холодильного шкафа бутылку минеральной воды, нашла стакан. – Очень хочется пить. Чего-нибудь похолоднее. Да, вот такой, газированной, терской.

– Знаешь, забыла.

– Ну как же... Тургенев – как Лебедев. Пушкин – как кузен Саша. В самом деле легко запоминалось.

Я исподволь присмотрелась к ней. Бледная, но спокойная. Чему удивляться: чья школа? Важно только одно – будет ли она плакать, оставшись в одиночестве? Если это больше шок, чем воспитание, тогда плохо. Но с этим разберется наш эскулап.

– В Москве жарко. – Гунька вновь отпила пузырящейся воды. – А мама одета тепло. Она куда-то выходила вечером. Ты не знаешь, куда?

– Нет.

– Я бы хотела знать.

– Надо достать документы, Лизонька. – Доктор промокнул платком лоб. – Сейчас приедут... Приедут люди.

– Да... Я понимаю. Нелли, можно тебя попросить? Все

там, у мамы в бюро. Только не в зелёной папке, а в синей. В зелёной – бумаги по хозяйству. А я еще с мамой немножко побуду пока, ладно?

Тревожный колокольчик. Осторожнее! Этим нельзя обременять никого – ни Гуньку, ни Романа. Роман, ну, где же ты?

Папки оказались совершенно одинаковы, поэтому Наташа их пометила. Я медленно отбирала нужные, забрав искомое в гостиную. Строчки чуть прыгали перед глазами, наплывая друг на дружку. Так со мною случается при сильном напряжении нервов.

Соль диез си. Фа диез ми.

В квартиру влетела Рина, Виринея Модестовна, вторая жена Юрия. Бледность ее спорила с весёлой полоской летних штанов. Переодеться она очевидно не успела. Еще больше, чем широкие лиловые и узкие желтые полосы, ее лицо бледнили черные волосы, обрамлявшие лицо облаком коротко подстриженных кудрей. Но – ни следа слёз, натянута как струна, готова к деятельной помощи.

– Юра уже вылетает в Москву, – произнесла она вместо приветствия. – Я встретила во дворе Катю, она принесет сюда твой карманник.

– А я-то к ней за телефоном посылала, разминутся теперь. – Я чуть улыбнулась Рине. Что ж удивляюсь, что от Романа ничегошеньки? На городской телефон из диких краев звонить труднее. Вне сомнения, карманник набит пропущенными звонками.

– Salut, Рина, – в дверях возникла Гунька. – Вот видишь, как я... прилетела.

Они обнялись: высокие, темноволосые, красивые, похожие на сестер. Гунька чуть крупнее сложением. Я в который раз подивилась бытовой мудрости Наташи. Развод в наше время редкость, а Гунька – единственное дитя, что тоже не часто бывает. Но Наташа сумела поставить всё так, что для Гуньки, двенадцатилетней тогда, сами по себе тяжелые события жизни взрослых обернулись не потерей, а умножением. В особенности, когда на свет появилась маленькая Александра. Теперь, когда Наташа ушла, Гунька осталась с сестрой, по сути, с двумя сестрами – старшей и младшей. Гуньку Рина всегда баловала больше, чем Сандру, что и понятно. А Сандра – копия Гуньки в этом возрасте.

Рина же привязана к Наташе так, что Юра иногда начинал ревновать. У Наташи так во всем. Надчеловеческое поведение. Но предчувствовала ли она, что ощущение себя своей во второй семье отца окажется Гуньке столь необходимым?

Некоторое время они так и стояли. В спальне же Наташи что-то негромко происходило, о чем лучше было не думать. Я и не думала, словно меня что-то подмораживало изнутри.

Я думала о Рине, просто потому, что на нее смотрела. Рина наделена какой-то особой, веселой, душевной щедростью. Помню, как-то раз Юра рассказал ей о владелице собачьего питомника, где некогда брали Кирби. Манефа, одинокая особа мизантропического склада, знала об этой по-

роде решительно всё. Вириная загорелась к ней съездить. Но со времен, когда заводили Кирби, минуло почти пятнадцать лет. Загородный дом поразил запущенностью и приветил уж слишком многоголосым собачьим лаем. Наконец вышла угрюмая старуха, небрежно одетая, согнутая, больная даже на вид. Юрия она, конечно, не узнала – до тех пор, пока он не упомянул о Кирби. Впрочем, Рину Манефа так и не отличила от Наташи. Люди нисколько ее не занимали. Мизантропия же ее развилась за это время до состояния весьма плачевного. Манефа перестала продавать щенков, не будучи в силах отдавать их в чужие руки. Пенсиона же ее, самого по себе достаточного, на прокорм стольких собак не доставало. Отказывая себе во всем, Манефа занималась только собаками, жила на ячневой каше и картофеле, лишь бы терьеры ни в чем не знали недостатка. В комнатах коробились полы, отставали обои, сыпалась штукатурка с потолка, кресла и оттоманки не были видны под горами всего, что необходимо для обихаживания и питания собак.

Рина ездит к Манефе каждую неделю, привозя полный кузов необходимого – и для старухи и для собак. Терпеливо выслушивает мизантропическое ее брюзжанье и странные проекты, что де желает быть похороненной на собачьем кладбище, не хочет покоиться среди людей. Что ее заставляет – молодую модницу, вечно занятую к тому ж?

Кстати, Рина моложе меня на три года. Она впрямь Гуньке скорее сестра, нежели мачеха.

Музыкальная фраза меж тем звучала и звучала.

В дверь заглянула Катя, вид у ней был таков, будто за те часы, что мы не видались, она пролежала неделю в лихорадке. Ничего не сказав, подала кому-то знак рукой.

– M-mes, мои соболезнования. – Миша, очень строгий в своем воздухоплавательном полковничьем мундире, шелкнул каблуками. Никогда не выдавшийся с Гунькой прежде, безошибочно ее распознав, приблизился. – Соболезнования, m-me Van Leeuwenhoeck. Мои и Государя. Я нынче вместо него, Николай Павлович не имеет возможности теперь оставить столицу, открывшийся форум не позволяет.

– Благодарю, Ваше Высочество. – Гунька слабо улыбнулась.

– Я за Ника, Нелли, – повторил Миша уже мне, несколькими минутами позже.

– Откуда он уже узнал? – Сердце окутало ощущение тепла.

– Ему сказала мать Евфросинья. Сразу же после разговора с тобой. Я торопился как мог. – Миша кое-как улыбнулся. – Мне теперь штраф выпишут за то, что приказал подать мой винтокрыл слишком близко к Зимнему дворцу.

– Плохи твои дела.

Предоставив Мише возможность еще перемолвиться с Гунькой, я выскользнула из гостиной.

Телефон мой Катя уж сжимала в руке, словно боясь о нем забыть. Мой любимый миниатюрный телефон в серебряном, украшенном аметистовыми кабошонами, футляре, прошло-

годний подарок мужа к именинам. Я уединилась с ним в гостевой спальне: только там, кажется, еще никого не было. Присев на танкетку под знакомым с детства малым голландцем, торопливо открыла NS¹: ничего.

Не вовсе ничего, несколько банковских уведомлений и паблисишек. Я перечла все по десять раз, чтобы решительно удостовериться в самом неправдоподобном: никаких известий от Романа не было.

¹ Раздел «notice explicative», аналогичный нашему SMS. Не забудем, что международным языком остается французский.

Глава V

Впервые в истории

День похорон Наташи остался в моей памяти похожим на четкую и яркую картинку, от которой потерялась половина пузелей. Странные провалы в памяти, чередуемые мгновениями, забыть которые невозможно.

Как я вышла из дому, разговаривала ли по телефону с Бусинками, была ли со мной Катя...

...Серовато нахмурившееся небо над новым кладбищем при Новодевичьем монастыре. Как раз такие летние дни Наташе и нравились, жемчужные, сизого свечения, неяркие.

...Бледное лицо Гуньки, несущей в обеих руках огромную охапку горных лилий – лиловых саранок.

...Сколько людей... Ах, сколько же людей. Я и десятой части пришедших не знаю даже в лицо. Без удивления узнала я доктора Синицына, хотя в предыдущую (и единственную) нашу встречу был он не в сером мундире Медицинской Академии, а в белом халате. Как же давно, как это было давно... Но хирург в свою очередь узнал меня, коротко кивнув. Он шел рядом с Лебедевым, и они имели вид давних знакомых. Впрочем, так оно, вероятно, и обстояло.

Из Наташиных соседей по тринадцатому дому я заметила издалека старших Трубецких, Владимира Владимировича

с Ольгой Александровной, младшего Энгельгардта, как раз недавно с блеском защитившего магистерскую диссертацию о его излюбленных Балканах... Художница Марина Марза, с ее неистовыми рыжими кудрями, в которых чёрная шляпка жалобно тонула, словно идущий среди волн ко дну челночок. Марину трудно не заметить. Были коллеги Наташи по издательству, хотя уж года три, как она его оставила. Всех не разглядишь, немудрено.

И вот уже эти знакомые горизонтальные надгробия из похожего на ночное небо бразильского гранита, черного, с сияющими вкраплениями перламутра. Могилы Наташиного отца, деда, бабки... Сколько раз, с моего детства, мы гуляли здесь вместе, и вдвоем, и с Романом, а Наташа всегда оставляла тут белые цветы летом или, после первого ноября до весны, зажигала свечи. Много раз бывала здесь и Гунька. Наташа всегда считала, что дети должны любить кладбища. Поэтому, чтобы в наших головёнках не поселился неуместный страх, у нее всегда была наготове какая-нибудь увлекательная история о тех, кто покоился под здешними надгробиями.

Но этот зияющий аккуратный провал, как же он странен среди знакомых могил! Страннее, чем креп на моей шляпке и на рукавах мужчин. Словно странный нескончаемый сон.

Совершенно не запомнилось, как началась панихида. Словно бы она шла не с начала, а со середины. ... Запах ладана, дымок, поднимающийся в мокром после недавнего до-

жда в воздухе.

– Уже пора бросать землю? – голос Гуньки прозвучал чуть выше, чем обычно.

– Нет, Елизавета Юрьевна, – к моему изумлению, не только, впрочем, моему, произнес Миша. – Земли не надо.

Он подал знак адъютанту, и тот незамедлительно подступил со стальным сундучком, каковой я заметила еще раньше.

– Я взял на себя смелость... – среди внимательного молчания продолжил он. – Мне кажется, что луна подойдет лучше.

Сундучок раскрылся, явив бережно уложенную в олефиновую губку склянку с широким горлом. В ней поблескивал какой-то серый песок.

Потрясенный Юрий, первым из нас понявший в чем дело, тихо ахнул.

– Что это, Миша? – изумленно шепнула я.

– Реголит. – Миша, сняв перчатку, вытянул крепко притертую пробку. – Лунная почва. Осторожнее, Елизавета Юрьевна, он немного летучий.

Гунька осторожно опустила руку в протянутую ей склянку. Песок или порошок, как это ни назови, медленно упал на полировку гроба.

Юрий... Рина... Наташина тётушка Альбертина Ивановна...

Склянка подошла ко мне. Лунная порода оказалась в самом деле странно упрямой, подцепить ее удалось не враз,

она всё вздымалась облачком. Песок? Не песок... Я на мгновение задержала лунную пыль в пальцах. Крошечные шарики, похожие на гладкие капельки ртути, полурасплавленные стекляшки, крошка вроде базальтовой... На что это меньше всего походило, так это на селенит.

Когда сосуд продемонстрировал донышко, реголита на деревянной крышке оказалось совсем немного. Но все же... Сердце мое заныло от пронзительной благодарности Мише: Наташу, первую на Земле, предали любимой ею Луне.

Юрий кивнул кладбищенским рабочим, показывая, что теперь могилу можно засыпать.

...

После недолгой поминальной трапезы в монастырской палате, Юра и Рина отбыли с Гунькой к себе. Катя еще накануне вызвалась привести Наташину квартиру в божеский вид. Там, вне сомнения, было необходимо убрать следы трагического беспорядка и пребывания множества людей. Я только взяла с нее слово после ехать на свою квартиру – отдыхать.

– Я отвезу тебя, Нелли. – Миша бережно подцепил меня под руку, когда мы миновали ворота. – Могу и набиться в гости, я нынче совершенно свободен. Или тебе хотелось бы побыть одной?

– Набейся, Мишенька, я буду рада. Единственно что, не уверена, что порадую тебя своей специальностью.

– Я стойко перенесу отсутствие твоего гоголь-моголя. Даже могу попытаться сам сделать тебе чаю. – Миша выждал,

покуда я залезу в отворенную шофером дверцу его синего разиппа с государственным гербом, затем сел сам. – На улице Вавилова.

Глава VI

Давняя дружба

Свежий воздух заструился в окошки. Запахло опять липами, рановато в этом году. Теми самыми, кстати сказать, липами, о которых я делала перевод так давно... Словно бы годы назад.

– А тебе не достанется на орехи от Ника? Лунная почва, это же бесценное сокровище, дороже золотого песка, я чаю.

– Может и сокровище, да только мое собственное, что хочу, то и ворочу с ним.

– Как это может быть?

– Наш лунный авангард меня этим поздравил. На тезоименитство. Случается, знаешь ли, и от этих праздненств прок. Нарочно для меня еще одну выборку произвели, сверх заданных. Но даже Владислав Николаевич не рассердился.

– Ну, коли сам Адмирал Волков не рассердился, стало быть, ты заслужил. А твое шефство над космосом от античности-то не слишком отрывает?

– Как ни странно... – Миша помолчал немного, глядя в окно. – Иной раз такое чувство, будто эти две стороны моей жизни не столь уж разделены. Греки поболее нашего думали о небесных телах. Ты ведь знаешь, я не слишком-то рвался заниматься космосом. То были – высочайшая воля

Ника и надобность для государства. Что сделать, у каждого в жизни свои обязанности, космос так космос. Так мне тогда думалось. Но ананка – она умная, фатум ваш, я чаю, поглубе будет. Постепенно две стены моего жилища – античность и космос – соединились, образуя свод над головой. И получился довольно прочный домик.

Я не могла не любоваться профилем Миши на фоне бегущих за стеклом московских улиц. Как он похож на Ника, будто не кузен, а родной, да и не всякий родной младший так похож на старшего. Но я все ж никогда бы их не спутала. Все-таки, подумалось мне, хоть мы еще и молоды, а годиков минуло с Мишиного полета немало. В двадцать лет различие в возрасте меж двадцатью и двадцать четыремья весьма ощутимо. Теперь оно сгладилось. Миша перестал для меня быть младшим. Сделался ровесником, а порой он мне кажется даже и постарше, чем я. Немудрено, на его плечах, а верней сказать – на его погонах – очень многое лежит.

На Вавилова мы, словно прежние бурши, вломились, смеясь, на кухню: изыскивать себе добычи к чаю.

– Странно... Я голодна и весела. – Я извлекла из недр холодильного шкафа Катины домашние абрикотинки. В леднике нашлось мороженое, мое любимое, с каштанами.

– Ну уж, тебе бы удивляться, Нелли. Помнишь, ты же и рассказывала: когда умирает иезуит, его братья собираются на праздник. А знаешь, Нелли... Давай на кухне и устроимся, чего туда-сюда подносы таскать? Как в прежние вре-

мена, помнишь, у тебя в Брюсовом переулке? Мне-то, надо сказать, мало их перепало, тех твоих посиделок, только год.

– Что поделаешь. Это был твой первый курс, а у меня – пятый. – Я расставила на покрытом скатеречкой из тарусского льна кухонном столе чашки, десертные тарелки, вазочку для пирожных. – Были мы впрямь «веселы, покуда молоды», приятно в кои веки вспомнить. Спасибо тебе, Мишенька. Это в самом деле была дивная и очень правильная мысль: Луна.

– Это самое меньшее, что я мог сделать. – Миша посерьезнел. – Просто большего придумать не сумел. Царствующий дом в неоплатном долгу перед Наталией Всеволодовной.

Я поискала глазами по кухне, и, найдя старую Катину шаль, накинула ее на плечи: меня вдруг зазнобило. Те чудовищные сутки, покушение на Ника, битву врачей и Наташи за жизнь Романа – я до сих пор не могла вспоминать спокойно. Вновь подумалось и о том, умно ли я тревожусь, что до сих пор не дал о себе знать Роман. Всё-таки мое состояние было немного экстатическим, когда я так от него хоть чего-нибудь ждала. Столь сильная уверенность в том, в чем уверенным быть зыбко, в мистике, все ж немного странна. Вне сомнения, Роман, с его невозможным звериным чутьем на всё, что ему дорого, мог бы почуять беду. Но мог бы и не почуять, как ничего не ощутила я, увлеченная своим переводом. Это лишь нервы, особо тревожиться не о чем, да и по правде сказать – за Романа тревожиться по определе-

нию нелепо. Он мгновенно рассчитывает любую опасность, тем паче, с тех сентябрьских ид он стал опытнее и старше. Но отчего-то мне по-прежнему не по себе.

– Прости, Нелли.

– Всё хорошо, Мишенька.

Я в самом деле отогревалась под дружеским Мишиным взглядом, в уютных кухонных стенах. Стены эти, как больше, чем десять лет назад, когда мы с Романом ждали в них судьбоносных известий то из Америки, то из Франции, остались неизменными. В студенчестве я собственными руками, дабы сделать сюрприз отцу, наклеила их олефиновыми обоями в охотничье-лубочном стиле: фигурки в сепии, обрамленные гирляндами неведомой ботаникам листвы. На них красуются бравые егери в заливчатских шляпах, бегают собаки, трубят рожки, а главное – вышагивают глухари, вдвое превышающие размером и охотников, и собак. Глухари-то меня и восхитили, предрешив затею. И что же отец? Сказал, что де «у глухарей неправильно нарисованы ноги». Ох, я тогда и обиделась. А вот же, до сих пор родители ничего не поменяли.

– Скоро ждёшь Брюса?

– Ну откуда смиренной колыванской жене знать сроки?

Миша фыркнул в чашку. Эту нашу домашнюю шутку он знал. Именно так, перелицевав заглавие известного классического рассказа, я себя именovala примерно год после рождения Пети. И не без причин. Роман впрямь поставил ме-

ня перед свершившимся фактом, провернув дело тайком. Я бурно гневалась, он, предовольный, только смеялся. Помирились мы, конечно, скоро. В конце концов, мальчик вырастет и важное в своей жизни всё одно решать будет сам.

– Ты позволишь?

– Только если поделюсь.

Миша, щелкнув набитым его излюбленными самокрутками портсигаром, разумеется, ничего не сказал.

– Это только до возвращения Романа, – ответила на незадаанный вопрос я, отворяя кухонный комод в поисках хотя бы огарка свечи. – Проявление слабости, знаю. И долго себе распускаться не позволю. Наташино правило было: ничего не делать с горя.

На этой благоразумной тираде я с удовольствием затянулась дымом.

– Так и не успел тебя поблагодарить за книгу. А прочел, между тем, с превеликим удовольствием. Очень неожиданно после «Хранителя Анка», хотя и там ведь звучали древнеегипетские мотивы. Даже в названии. Но там Египет идет обертоном.

– Расскажи уж расскажи, как понравилось. Не упуская подробностей.

– Известный риск, полагаю, ты понимала. Роман уж слишком... откровенный. Девочка Мерит, это, конечно же, ты, а священная кошка Бастет – Наталия Всеволодовна. А Натх это Брюс. Но ты управилась, я уверен, стороннему читате-

лю книга не меньше интересна, чем своим. Египет какой-то вышел... осязаемый и обоняемый. Живой, как непросохшая еще акварель. Цветовая игра меня восхитила в описаниях. Кстати, а тебе известно ли, что египтяне – единственные в древности, у кого в глазах была полная палитра цветов? И синий они знали, и не путали его с зеленым, а зеленый с желтым. В отличие от моих греков, хотя ведь странно: греки-то помоложе будут. Нелли, что с тобой?

– Со мною? Со мною ничего. – Я поторопилась было поднять предательски выпавшую из руки на пол пахитоску.

– Ничего? У тебя вся краска от лица отхлынула. Да не наклоняйся теперь, я уберу. Похоже, я оказался эгоистичен, Нелли. Тебе надобно сейчас не гостей принимать, хоть бы и на кухне, а хорошенько выспаться. А я тут пошел разглагольствовать о гомеровской тританомалии. Хорош гусь.

Миша стремительно поднялся. Я невольно его отзеркалила.

– Я очень рада, что ты меня навестил, Мишенька.

– Но восвояси мне пора. – Миша, совсем взрослый Миша, одною рукой обнял меня за плечи, а другою с силой прижал мою голову к своей груди. Пуговицы мундира кольнули мое лицо. – Теперь четвертый час пополудни, но обещайся, что ляжешь тем не менее в постель. Задернешь портьеры и ляжешь, выпив, как примерному дитяти подобает, теплого молока с мёдом.

– Только не с мёдом, – я вздрогнула.

...Проводив Мишу, я в самом деле вдруг ощутила странную слабость. Я забралась с ногами на оттоманку в «тёплой» гостиной. Даже для того, чтобы лечь, тоже ведь нужны какие-то силы. Раздеваться, принимать ванну, задергивать шторы... Лучше просто так немного полежать, свернувшись под пледом, подсунув под голову китайскую шелковую подушку.

Дрёма, невзирая на слабость, не шла. Обрывки мыслей крутились в голове, как в очень медленно поворачиваемом детском калейдоскопе.

Мёд теперь всегда будет мне ненавистен. Он первым мне рассказал, вестникам беды правильно рубили в старину головы. Только вот у мёда и головы-то нету.

Куда всё-таки ходила в тот вечер Наташа? Этот вопрос, который мы с Гунькой то и дело друг другу задавали, куда оставался без ответа. Отчего это кажется нам таким важным?

Хорошо, что Миша все ж со мною побыл. Да, мудрено было нам не обрадоваться друг дружке. Все мы теперь видимся реже. Оно и понятно, дел-то всё больше. Разве что Ник с Романом встречаются постоянно, но так ведь то не роскоши общения ради. А у Миши дела иные совсем, без разведки, контрразведки и уж наверное без картбланшей.

Сколько ж мы не видались? Месяцев пять, а то и более. Мишка, Мишка... Никуда не делась прежняя его скромность, а между тем манера становится такой же весомо властной.

ной, как у Ника. Посчастливится же кому-то... Вот только кому?

Пора бы, между тем. Тридцать лет. О нескольких его историях я наслышана, да только всё кончилось ничем. Что это? Просто легкомыслие, или всё еще не избыты тени давнего трогательного эпизода? Только я, впрочем, могу это подозревать, больше никто и не знает. Но ведь Мише было едва двадцать, может ли взрослый мужчина оставаться настолько романтичен? С Миши станется. К сожалению, в этом мне его проще заподозрить, чем в легкомыслии.

Резкая трель звонка заставила меня содрогнуться вновь. Это не домашний телефон и не карманник, тут не спутаешь: дверного звонка родители тоже не меняли с моих юных времен. И звучит он, надо сказать, препротивно.

Я кое-как и не враз попала неловкими ступнями в домашние туфельки. Кто же это? Решительно некому быть.

Звонок повторился. Я хотела было поглядеть на нежданного гостя через экран, но поленилась его включать. Без того прошло не меньше пяти минут, как я, собравшись с силами, отворила, наконец, дверь.

И дверной проем явил моему взору миниатюрную особу, похожую на фабрики Фердинанда Састрака матового фарфора куколку *mignonnette*. (Мне одна такая досталась в детстве от бабки, чудом сохранившаяся). Светлые как льдинки глаза. Льняные, почти бесцветные волосы, без церемоний стянутые на затылке в узел. Точеное личико с нежным хо-

лодным румянцем редкого аглицкого тона. Фигурка, также точеная, на сей раз скрывала свое совершенство в охотничьем костюме из серой замши, тем паче куртка была на размер больше необходимого. Половину личика, впрочем, тоже только что скрывали зажатые в руке огромные очки-гелиофобы, несказанно уместные в хмурый облачный день. А вот сумочки в руках при подобном наряде, конечно, не было, за спиной виднелся маленький замшевый же сидор. Особе при первом, как и при втором взгляде нельзя было дать более пятнадцати лет, при наличествующих двадцати пяти.

– Я... я не невовремя? Я, по правде говоря, тайком. Я не могла не приехать.

– Добрый день. – Я улыбнулась, вдруг почувствовав себя лучше, но рассудила ввиду всех обстоятельств уж как-нибудь обойтись без кникса. – Добрый день, Ваше Императорское Величество.

Глава VII

Дриада

Не устаю удивляться тому, как огромные события истории отражаются в частной человеческой судьбе. Но кабы не та огромная игра, что повели (и выиграли) более десяти лет назад Ник, Джон и Роман, с их многочисленными, но мне неизвестными помощниками, едва ли случилось бы знакомство, переменившее жизнь Ника.

Впрочем, что-то я зарাপортовалась. Думала о событиях частных, да только пример выбрала неладный: женитьба Ника дело не менее государственное, чем перемены в большой политике. Помнится, в те дни, купив на улице газету, незнакомые люди поздравляли друг дружку, а то так и раскрывали объятия. Тоже уж пять лет минуло.

Но тем не менее повторяю: случившееся сладилось лишь благодаря тому, что на трех континентах сделалось как никогда спокойно. Древние римляне на нашем месте повсеместно затворили бы храмы своего бога Януса пребольшими дверными засовами.

К 1988-му году Джон уже вымел из своей страны жесткой метлой все остатки красной эмиграции, из тех, конечно, что не воспользовались высочайшим милосердием Ника. Пришлось им течь в места много менее приятные для жизни,

чем Америка, и, что особенно радует, весьма отдаленные. Ох, не до того им стало, чтоб пакостить.

Повсеместно по всем штатам велись также судебные расследования, выявлявшие преступления лож. Масонство приближалось к полному своему официальному запрету и тоже втянуло острые прежде когти.

Жизнь начинала всерьез отличаться к лучшему от времен нашей юности, а в особенности – нашего детства.

Только потому Государь и решился на довольно-таки лихую затею: пригласил августейшего своего брата Людовика, о ту пору двенадцатилетнего, на охоту в Прикамье, в казенных лесах.

Казенные леса, они есть в каждой губернии, отличны даже от Алтайской тайги. Пусть и по тайге можно бродить месяца и ни разу никого не встретить в человеческом облике, но вероятность подобной случайности возможна. Алтайские леса открыты. Казенные, хоть и меньше площадью, присутствие человека исключают почти полностью. Они не наши, как судил еще Государь Павел Михайлович, они – собственность нерожденных поколений. В них могут находиться лишь служащие при своих обязанностях, редкие научные экспедиции и прочая таковая. Ну и Государь имеет на их посещение право, включающее даже охоту, впрочем, последнее с рядом оговорок. Такой дичи – «не больше, чем», сякой – «не тогда».

Но для охоты одного взрослого и одного подростка даже

и при всех ограничениях положение представлялось невысказанной роскошью. В тот раз они выбрали не соколиную, так любимую обоими. Соколиная охота все-таки требует хоть небольшой свиты. А попросту – побродить с ружьишком, пешими.

Попросту-то попросту. Только Ник ничего не делает в простоте. Немало пользы подразумевало подобное времяпрепровождение. Король Людовик рос, не успеешь оглянуться, как придет время строить совместные проекты всерьез, не номинально. Ну и кто, как ни ровня, сумеет преподать нужные уроки? Уроки невзначай, когда холодный глухарь вылезает под пальцами из хвостовых своих перьев (остальные нужны в дело), а костёр, потрескивая, набирает должную силу. Ник готовил дичь самым верным лесным способом, обмазывая глиной и запекая на углях. (Немного похвалюсь, что Ник научился этому подростком у моего отца). Глухарь, благоухая травками, уж какие нашлись, в облаке пара, отделяясь от перьев вместе с кожей, вываливается из разбитого глиняного конверта, что твое вавилонское письмо. Высокий миг для гурмана.

Но как раз глины в тот день и не достало. Ник попросил Людовика принести еще от ручья. (Перед этим охотники разбивали палатку на самом берегу, но изобилие комаров, с хоровым писком бившихся всю ночь о защитный полог, заставило их перетащить ее повыше и посуше, на взгорок).

Прихватив опустевшую жестянку из-под бисквитов, маль-

чик помчался к ручью наперегонки с Сунгиром, охотничьим спаниэлем Ника.

Почему – жестянку из-под бисквитов? Меня же там не было. Это мог быть и кусок крафтовой бумаги, и коробка из-под патронов. Но я так и вижу в руке Короля белую жестянку, с рондо «Филиппов» наискосок. Ну и пусть. Я столько раз слышала от двух сторон об этом дне, что словно бы и видела всё своими глазами.

Вот мальчик скользит по склону, подбегает к ручью, свесившись к воде с бережка, погружает ладонь в ключевую воду, выбирая среди песка серые глиняные вкрапления.

«Что вы делаете в казенном лесу, молодой человек?»

Она вышла из зарослей орешника на противный берег. В широкой зюйдвестке, которая кончалась там, где начинались высоченные болотные сапоги. Из всего этого выглядели только белокурая головка и кисти рук. Лыдистые глаза смотрели строго.

Довольно трудно вежливо приветствовать даму, когда одна рука в земле, а вторая в глине. Людовик замешкался, не зная – то ли мыть руки, то ли вскакивать на ноги как есть.

«Впрочем, я уже вижу. Вы охотитесь».

Догадаться было не трудно. Хотя их ружья, конечно, лежали убранными в чехлы под тентом, в экипировке мальчика обличало всё остальное, включая пса, который, дружелюбнейшее создание, привыкшее видеть недруга лишь в водоплавающих и прочих пернатых, заливался счастливейшим

лаем при виде нового человека.

«C'est vrai, Mademoiselle. – Решив созорничать, мальчишка сделал гениальный ход. По-русски французу почти невозможно говорить без акцента, к тому же он путался иногда с родом существительных. А вот французским из уст школяра никого не удивишь. – Petite sortie à la chasse».

«C'est chouette! – Молодая особа решительно ступила в воду. Впрочем, без малейшего для себя неудобства. В самом глубоком месте ручей оказался ей лишь до колен, между тем, как сапожищи достигали бедер. – Êtes-vous seul ou avec des adultes ici?»

«Je suis ici avec mon frère, c'est un adulte», – не моргнув глазом мальчик.

«Проведите меня к нему», – Девушка начинала сердиться.
«C'est pas très loin».

«Я уже чую дым». – Последняя фраза никому не сулила добра.

Дыма в самом деле было немало, так как костер, к которому они поднимались сквозь подлесок, прогорал. Ник, на свистывая про «желтую ленту, сладость момента», сгребал палкой багровые угли, готовясь водрузить на них тушку, как только она будет приклепнута последним шматом глины.

Увидев всю красу представшей взору наглости, присвистнула сквозь зубы и девушка. Палатка, ягташи, основательный охотничий склад под навесом, разбросанные вокруг глухаринные внутренности, голова, хвост...

«Случается, что взрослые ведут себя безответственнее детей, – гневно заговорила Даша, ибо это была она. – Но вовлечь ребенка в подобное безобразие... Каков для него пример, для вашего же брата?!»

«Не стоит сердиться раньше времени, – Ник принял жестянку с глиной и довершил кулинарный наряд глухаря. – И сигнальницу лучше оставить в кармане, хотя иметь ее при себе, не спору, благоразумно. Ты, я чаю, дочка Иван Степановича? Я его уведомлял, что мы немного постреляем. Сезон начался, так что...»

Дорого б я дала увидеть Дашино лицо в последовательности выражений. Негодование от фамильярности этого «ты», наложившись на узнавание Ника по сотням портретов, породило догадку. Румянец гнева постепенно сходил со щек, глаза изумленно распахнулись.

А ведь да, мир тесен. Да и народу-то в стране – даже меньше немного, чем великий Менделеев сулил. (Но не мог же он предвидеть Гражданской войны?) Так что все ведь всех знают. Еще до появления Даши в жизни Ника я слышала о ней вскользь. Петя Трубецкой, всем сердцем преданный своей лесной теме, конечно же не раз говорил мне, рифеянке, об управляющем казенными лесами на Каме, Иване Степановиче Воронцове. Упоминал и о том, что у графа есть дочь, с похвалой, как об «очень лесной девочке». (В устах Пети это наивысшая аттестация). Но всё же: как же жизнь зависит от случайностей, которых еще и «не бывает»... Прой-

ди Даша чуть другим маршрутом, спустись Его Величество к ручью позже или раньше минут на десять...

Поняв, Даша не смутилась. Она рассмеялась. Рассмеялся следом и страшно довольный мистификацией Людовик. У этого мальчика всегда в темных его глазах так и пляшут веселые солнечные зайчики.

Вскоре они уже сидели у огня втроем, и Ник бил рукоятью охотничьего ножа по глиняному панцирю, и, нарезая дичь, с много большим значением насвистывал «Жёлтую ленту», хотя Даша, как блондинка, конечно же никогда не носила ничего желтого.

Глава VIII

Дриада (продолжение)

Для жанра сказки, в котором свадьба, если уж случается, то ставит точку, всё выглядело завершённым и совершенным. Могучий Царь, не прельщённый земными девами (ну, какая пара-то из земной девы Царю?), полюбил лесную дриаду. Дальше все живут-поживают, добра наживают, а новый сюжет касается уже следующего поколения: жил-был Царевич, сын Царя и Дриады, и однажды...

Но жизнь не столь тороплива и предпочитает иные жанры. Сказка не задается вопросом: а каково дриадам живется в каменных городских стенах?

Между тем, наблюдая Дашу в суеде светской столичной жизни, я начинала испытывать потихоньку растущую тревогу.

Нет, по характеру Даша отнюдь не была ни замкнутой, ни необщительной. Напротив, она казалась открытой и жизне-радостной натурой. Но прежний образ ее жизни, казалось, успел сделаться чем-то много более сильным, нежели просто привычка. Это была часть ее личности.

Она поднималась с рассветом, этим, положим, в строгом расписании дворцовой жизни никого не удивить. Только какой же во дворце рассвет? «Когда на бледном небосклоне

звезд исчезает хоровод И тихо край земли светлеет, И, вестник утра, ветер веет И всходит постепенно день...» Что еще мы учили? «Вот и солнце встает из-за пашен блестит За морями ночлег свой покинуло На поля на луга на макушки ракет Золотыми потоками хлынуло»... Только для Даши Воронцовой это всё было не школьными прописями.

Она с детства читала эту зелёную книгу, и там, где горожанин способен увидеть лишь деревья, кустарники и траву, она черпала множество сведений для размышления и обсуждения после в отцовском кругу. Из птичьих полетов она узнавала не меньше какого-нибудь авгура. Днями напролет бродя по лесу, она не видела ни единого человеческого лица, и не слишком-то в этом нуждалась.

Городская жизнь не могла не оказаться для нее тяжелым испытанием.

Да, вне сомнения, Даша без особых потерь училась в институте, после – появлялась в столице. Но только потому ей было так легко дружить с товарками по дортуару и исполнять обязанности хозяйки в отцовском городском доме, что она уверенно знала: леса ждут ее обратно. Обещание природы было надежным щитом, приглушавшим шум столичного многолюдья. Она чувствовала, что в городе находится в гостях, а на природе дома. Замужество переменяло главное. Столице теперь суждено было сделаться ее домом. С лесами ей надлежало покончить. Редкие поездки на Каму, какие могли ей выпасть, мало что обещали изменить.

Об этом я думала, поднимаясь в тот день на собственную «половину» Августейшей фамилии в Кремле. После отъезда Леры в Америку я теперь бывала там нечасто. Хотя, с появлением в жизни Ника Даши, палаты, несколько лет грустившие, оживились, обретя новую хозяйку.

Когда обо мне доложили, Даша находилась в Красном кабинете, который на самом деле вишневый. Две юных девушки с шифрами, разбиравшие вместе с ней бумаги на отделанном черепахой столике работы Буля, были мне незнакомы ни в лицо, ни по именам, не то, что в прежние времена. Бумаги, как я сразу заметила, непосредственно и относились к делу, явившемуся поводом той встречи.

Ученицы нескольких московских гимназий выступали через несколько дней в ежегодный скаутский поход по древним городам. На сей раз путь лежал в Великий Новгород. Мне предстояло, ввиду этого, как литератору, рассказать детям о мальчике Онфиме, а Даше должно было выступить перед участниками похода с надлежащей речью. Не скажу, чтобы и я очень любила участвовать в таких действиях, но без обязанностей жизнь уж слишком хороша.

Не побывавши в разведчиках, я так и не постигла важнейшего нюанса: каких девочек надлежит называть «скаутами», как мальчиков, а каких «гайдами». Путаница в любую сторону, между тем, подобна преступлению. Поэтому я попросту выясняла заранее и запоминала. В тот раз речь шла о «скаутах».

«У меня забавная мысль, Ваше Величество, – заговорила, наконец, я, опустившись в полукресло. – Что, если поучить девочек правильно снимать бересту? Мы ведь с вами это умеем. Не так, думаю, как мой отец, который уж вовсе виртуоз – он на бересте даже печатает поздравительные письма, что, конечно, высший шик. Но чтобы они сами ощутили, какой это милый материал – береста наших давних предков. После торжественной части, конечно».

Одна из фрейлин, темная шатенка, даже подпрыгнула на стуле. Но Даша, для развлечения которой я, собственно, всё это и примыслила, осталась до странности равнодушна.

«Да... Думаю, это будет хорошо», – без выражения произнесла она.

Только теперь я заметила, что Даша как-то уж слишком бледна. Глаза ее словно ввалились, обрамленные синими тенями, будто она наложила грима, как актриса перед выходом на сцену. Губы и ногти тоже отливали синевой, а лицевые мышцы еле заметно подергивались.

Нервное ее истощение, это было очевидным, достигло опасного предела.

Что же делать? Фрейлины, моложе ее самое, очевидно вчерашние институтки, сообразят послать за врачом только если сделается уже совсем худо. Намекнуть потоньше, придумать повод? Но нужен ли врач? Она ведь здорова. А все эти психоаналитики, модные в артистической среде, Даше не нужны, как не нужны лекарства. То есть лекарства могут

помочь на время, но от этого сделается лишь хуже. Нельзя успокоительным либо тонизирующим снадобьем мирить себя с тем, что причиняет психологические страдания. Но еще немного – и без врачей не обойтись. Что же делать? Что?

«Ваше Величество, я уповаю, что вы великодушно извините мне нарушение этикета. Но могу ли я попросить вас... о разговоре наедине? Мне необходимо обсудить с вами один секрет».

Согласится ли она? Ей ведь не до чужих секретов, я попросту не успела придумать предлога умнее.

«Да... Разумеется». – Она подала знак девушкам. Безо всякого удивления, а это я сочла плохим признаком.

«Даша, вам нехорошо?»

«Не очень хорошо, да. – Она бледно улыбнулась. – Не тревожьтесь, Елена. Я как-нибудь справлюсь. Дети – это еще ничего. Но все эти директрисы, попечители, скаут-мастера... А хуже всего – фотографы, журналисты... Толпа... Опять эта толпа...»

Ее била мелкая дрожь. Нельзя допустить, чтобы она опять «справлялась» в таком виде. Необходимо... что необходимо? Как же ей помочь?

«Дайте-ка мне руки, Ваше Величество. Обе. Я знаю очень хороший китайский массаж. Вам нужно снять напряжение. Сейчас будет лучше... Потерпите немного...»

Я, в отличие от Наташи, в жизни своей никогда не интересовалась никакими массажами, а уж китайскими в особен-

ности. Взяв Дашины ладони в руки, я попросту принялась их тереть и щипать, притом стараясь щипаться побольнее. Отвлечь, хоть чем-то отвлечь... Выгадать время, покуда я соображу... что же на самом деле может ей помочь? Правильно помочь, не так, как пилюли и тинктуры...

Я негромко произносила какие-то успокаивающие слова, а мысли мои скакали, как заячья стайка.

Нужная мысль ударила неожиданно. Ну конечно же! За-тея мне самой показалась полубезумной, но я ухватилась за нее, как задыхающийся пловец с тонущего корабля за наконец-то достигнутый береговой буй. Главное – не раздумывать, а то испугаюсь. Иной-то мысли у меня всё одно нет. Ну, Господи помоги!

...Еще несколько минут понадобилось мне на то, чтобы, относясь к несомненному одобрению Ника (в чем, сказать по правде, сомнения-то были) уговорить Дашу съездить со мною в некое очень хорошее место, вдобавок – на моем автомобиле.

Справиться с дежурными девушками оказалось проще, чем с ее апатией.

Но только миновав Поварскую, я сочла возможным сказать, куда мы едем.

«Я не возьму в толк, к чему это нужно? – Даша еще звенела всеми нервами, как натянутая тетива. – Манежной езды я не люблю, это скучно и как-то... не по-настоящему. У меня дома... то есть у рара... стоит для меня хорошая монголь-

ская лошадка, Агава. Я на ней могу сто́лько вёрст за день проехать лесом... У меня свои тропы, свои вехи. Вот это в самом деле в радость. Здесь, в городе, даже если выехать из манежа в парк, всё одно совсем не то. Люди, люди, всюду люди, под копыта бросаются то дети, то собаки... И навыков моих мне довольно для моей езды, улучшать нечего. У меня с детства всё было хорошо с вольтижировкой».

«А разве я хоть словом упомянула вольтижировку? – Я улыбнулась с тщательно, как доза лекарства, отмеренным весельем. – Или прогулки по парку среди детей и собак? Вы еще забыли о сердитых старушках с их кружевными зонтиками. Но я ничего подобного близко не подразумевала».

«Но... Это ведь конюшня...»

Мы уже в самом деле подходили пешком к Главному ипподрому. Пешком всегда приходится пройти немало, теснота старого города, не так просто найти местечко, чтоб приткнуться автомобиль.

«Конюшня, конюшня... Дашенька, если вам не понравится, так никто ведь не неволит. Разок погостим, нет, так нет. И вот еще что, не обессудьте, но у меня небольшая просьба. Я вас отрекомендую своей... ну, хоть бы золовкой. Имя ваше тоже не стоит называть, *nom plus visage égal reine*², такая вот арифметика. И нам она ни к чему. Пусть вы побудете... Дианой?»

² «Имя плюс лицо равно королева». Артикли и т. п. нарочито пропущены, так как Нелли подражает детскому устному сложению.

«Я англичанка или гречанка?» – Даша была слишком подавлена, чтобы развеселиться предвкушением какой-либо мистификации.

«Думаю, никто не станет спрашивать, у нас народ вежливый. А имя вам подходит, и чем-то похоже на настоящее. И последнее. Столь юную родственницу мне странно бы называть на вы».

«Как хотите, Елена. – Даша вздохнула. – А мне тоже надо говорить ты?»

«Как ляжет. Я вас постарше, никто не удивится ни так, ни эдак».

Все прочее я продумала. Даша, хоть и хороша как картинка, но черты у нее среднерусские, среднеевропейские, они не запоминаются сразу. Все видят ее изображения в новостях и в газетах, но люди воспринимают вне контекста лишь очень приметную наружность. Где ее не ждут, там и не узнают.

Мы шли между аккуратными рядами свежевыбеленных по весне конюшен, крытых темной черепицей ревельской работы. Черепица ревельских крыш, мне, признаться, нравится больше, чем на легендарных французских крышах. Во Франции плитки делают помельче, ровненькие, а балтийские напротив – выгнутые, округлые. И техника настила, конечно, различна.

Но вот и нужные двери, которые мы, впрочем, миновали: все в такое время уже либо в манеже, либо на плацу. Для

начала имело смысл заглянуть в манеж, он и ближе.

Мы не успели еще ступить сапогами на свежие опилки, как нас словно подхватило и понесло громко разносящееся под сводами пенье. На три голоса, мужское, одновременно суровое и мягкое.

«Ой-е, наш Скобелев-генерал,
Ой-е, сам заплакал, зарыдал. Эх!
Он заплакал, зарыдал,
Вынул шашку, помахал.
Ой-е, он заплакал, зарыдал, ой-е,
Вот ы вынул шашку, помахал. Эх!»

Пел Сергей, наш тренер. Ему вторили сидевший на скамеечке Лёша Птицын, одновременно что-то искавший в своем карманнике, и Слава, только что спешившийся с Гангута.

«Вынул шашку, помахал,
На ответ турку сказал.
Ой-е, вынул шашку, помахал,
Вот ы на ответ турку сказал:
«Эх! Да не быть тебе, собака,
В кремляной нашей Москве!
Ой-е, да не быть тебе, собака,
Ой-е, в кремляной нашей Москве! Эх!»

К моему огромному облегчению, Дашины глаза сделались огромными, как резетки.

Сергий ехал и пел стоя, но стоя не в стременах, а на строевом седле. Исполинский Намаз, золотисто поблёскивая холёным крупом, шел по кругу шагом.

Вне сомнения, хоть раз в жизни Даша видала цирковых наездниц, выделявавших похожие трюки. И хорошо, коли видала. Различие было огромно. Сверкающее блесками великолепие циркачей полностью подчинено зрелищности, демонстрации мастерства. А Сергей, не очень высокий и, как их роду и свойственно, тонкий в кости, в поношенной гимнастёрке и не лучших галифе, стоял как на земле, спокойно и почти расслабленно, чуть придерживая одной рукой повод. Казалось, его много больше заботит сейчас хорошая песня, чем сама езда. Подозреваю, так оно и было.

Не видать тебе, собака,
Золотых наших церквей.
Ой-е, не видать тебе, собака,
Вот ы золотых наших церквей. Эх!
Не сымать тебе, собака,
Золотых наших крестов.
Ой-е, не сымать тебе, собака,
Вот ы золотых наших крестов!»

«Сфальшивил ты, Лёха».

«Да прям», – Лёша уже шел принимать коня у Славы.

Ну, это правило везде одинаково. Два коня – три человека. И, похоже, мы кое-кому немного помрачили лучезарность

бытия.

Но на нас не враз обратили внимание не от досады, а просто... сложно объяснить, есть свои тонкости, каковые надлежит просто принимать.

Слава, полным именем Вячеслав, придержал под-узцы Гангута, а Лёша, оттолкнувшись, взлетел в седло с земли, даже не коснувшись ногой стремени. Лёша еще суше сложением, чем Сергей, и стиль его – триединство легкости, силы и безумия. Взлетел как птица, я залюбовалась, даже забыв было про Дашу.

Леша, однако, остался чем-то недоволен. Тут же соскользнув вниз. Второй толчок, второй прыжок, не хуже первого. Но, видимо, и не лучше.

Третий прыжок. Я даже не успела понять, что именно он отколол налету. Понятным показалось только одно: сие вне возможностей человеческого организма.

«Лёх, после этого уже ехать и не нужно! Все оценили, все видели, особенно девушки. Можешь слезать спокойно».

Ну вот и наше присутствие обнаружено, минуте эдак на десятой. Все начали наивежливейшим образом здороваться, я представила «свою свойственницу Диану».

«Охотница, стало быть. Ну, поглядим, поглядим, на что охотница способна. Только в следующую смену. Сейчас у нас мужской заезд. Ну что, готов?»

«Так точно!» – Леша уже выпрямился в седле.

Теперь уже оба мужчины не пели, собираясь всеми мыш-

цами. Великолепные дончаки шли ровно, мощно, золотистый и темный крупы лоснились в лучах солнца, падающих через стеклянное манежное небо.

«Но... – Даша, похоже, чуть растерялась. – Это же... Это жеребцы».

«Кзаки не ездят ни на кобылах, ни на меринах, – улыбулась я. – Это не в традиции».

«А как...»

Она оборвала себя, боясь показаться боязливой. Да, я тоже через это переступала. В школах верховой езды избегают сажать девочек на жеребцов, считается, что это может тем не оказаться по нраву. У меня тоже в заводе были обыкновенно кобылы. В детстве Арника, после Туле. (Изначально, когда мама подарила ее мне на день рождения, лошадка звалась Тууле, но «лишняя» для русского уха буква незаметно выпала).

Дончаки же, это, по правде сказать, нечто решительно иное, чем лошади, во всяком случае в первый раз мне показалось, что я оседлала огнедышащего дракона.

Кони шли меж тем по кругу, Даша любовалась, я ожидала.

«Лопата!! – привычно (для меня) рыкнул с высоты Сергей. – Чего ждём?! Диана, ты ближе, да куда, вот же тоже, лопаты с тобой рядом в углу, быстро на „глаголь“! Быстро, быстро, не копытами же нам это месить?»

Я было дернулась опередить, но Даша, уже взявшись за указанное орудие, помчалась к начертанной на стене чер-

ной букве сгребать навоз.

Гмм... Ну да отступать некуда, я сама всё это затеяла.

«Приготовились!! Ры-ы-сю!!!»

Слава усмехнулся в свои подвитые усы, заметив благоговейное изумление Даши.

Рысь дончака – это что галоп монгола. Во всяком случае, всего за год до того и я, еще недавно скакавшая галопом без седла на беленьком монголе Дарьяне, милом, хотя и немного нервическом меринке, пускаясь в рысь на Гангуте или Станичнике, ощущала себя не самым уютным манером.

«Ты словно думаешь только о том, чтоб из седла не вылететь», – сердился Сергей.

Положа руку на сердце, именно так дело и обстояло достаточно долго. Начинала я на Букете, он самый высокий на конюшне, но даден мне был за относительно тихий нрав. Взобравшись на его спину, я ощущала себя скорее покорившей высоту альпинисткой, нежели наездницей. Ох, и высоко бы с него было падать на скаку...

Сергей и Лёша откатывали теперь рысью, по-прежнему стоя. Но что-то они сейчас еще вытворят, им иначе скучно.

И ведь я не ошиблась. Перебросившись парой слов, которых я не расслышала, они переменили позиции. Сергей придержал Намаза, а Птицын поравнялся с ним. Некоторое время они скакали вровень, идя на наибольшее боковое сближение. Затем, вскинув над головой одну правую, другой левую руку, сцепились ладонями.

Для меня это уже не было феерическим зрелищем. Я много раз видела, как долго и скучновато коней тренируют идти вровень, грудь в грудь. Сперва шагом, затем уж на рысях. Только после этого можно отрабатывать трюки. Но Даша была, по моим тихим наблюдениям, зачарована.

«Смена! – Сергей, уже шагавший сидя, спешил. – Елена на Намаза, Диана на Гангута! Диане надеть шлем!»

Даша, под доброжелательным приглядом державшего коня Лёши, уже подтягивала под себя стремяна.

«Не твоя дырка, – Сергей поправил сам. – Ну что, на корду тебя взять, или попробуешь в смену?»

«Попробую», – решительно ответила Даша.

Некоторое время мы шагали. Сергей приглядывался к Даше, оценивая ее.

Даша, как я и думала, держалась в седле неплохо. Учитывая, конечно, то, что, приходя на уроки по джигитовке, навыки вольтижировки надлежит полностью забыть.

Рысь Сергей всё же разрешил.

Ах, мило же мне, надо признаться его обыкновение кричать это «Не спи!!» Рысь на дончаках, на мой взгляд, всего менее располагает ко сну.

Но тут и вышел случай, заставивший было меня зело усомниться в мощи своего ума.

Старательно показывая, что бодрствует, Даша послала Гангута слишком резво, меж тем, как я слегка заснула. Надлежащая дистанция нарушилась, и Гангут оказался слишком

близок к задним ногам Намаза.

Обыкновенно такие штуки любит проделывать Станичник, но на сей раз Намаз, видимо, решил протестовать против таковой его привилегии. Жеребцы, они же, впрочем, все драчливы.

Раздалось громовое ржание. Намаз со всей силы лягнул Гангута в грудь. Удерживая коня, я обернулась в седле, чтобы увидеть картину: Гангут, тоже дико заржав, взвился на «свечку», дабы обрушить удар обоих передних копыт с высоты. Дашка повисла на его спине, успев вцепиться в гриву.

Собрав все силы, я подала вперед. Приземлиться Гангуту пришлось всё же на землю, а не на круп своего супостата. Продолжая свирепеть, он рванулся было прихватить хоть зубами, но моя нагайка обрушилась на Намаза с такой силой, что он рванул в галоп. Несколько мгновений – и мы уже были достаточно далеко, у буквы «веди». Только тогда, остановив коня, я смогла оглянуться назад.

Гангут шел крупной рысью. Даша, по-прежнему на нем, понемногу перемещалась в седло, с которого было сползла.

Ох... Хорошо всё же, что Дашу обязали шлемом. Опилки удар смягчают, но ведь так можно и о кирпичную стену приложиться. Не говоря уж, не приведи Господи, угодить под копыто. Я похолодела.

Мы продолжали между тем делать круги. Вскоре прозвучала команда перейти на шаг.

– Молодцом девчушка, – негромко сказал Слава Лёше. – Не из трусливых.

Дальше тренировка шла благополучно.

«Приходите еще, Диана, – уронил Сергей, когда мы уже чистили расседланных коней. – У вас неплохие способности. Но придется работать».

Уже отойдя от конюшни вместе с Дашей, я вспомнила, что не положила на место скребницу, а такое непорядок. Я бегом воротилась. Сергей стоял у соседнего стойла, засыпая в кормушку Станичника овёс.

«Сейчас исправлюсь!» – в шутливом испуге воскликнула я.

«Вот то-то же».

«Еще раз спасибо за сегодняшнее занятие, Сергей Геннадьевич!» – обернулась я в дверях.

«Надеюсь, Ея Величеству тоже понравилось», – отозвался Сергей, завязывая горловину мешка.

Ах, Сергей! Я не сумела не рассмеяться. Стало быть: он Дашу узнал в лицо. Узнал и промолчал. И допустил до нашего огнедышащего зверья. Никогда не перестану удивляться казакам, этим вечно невозмутимым немногословным служивым... А ведь я попала к ним чисто по случайности, если, конечно, считать, что случайности бывают.

Но как же хорошо, что в тот весенний день мы с Дашей обе оказались в Москве!

Так с тех пор и пошло. Уж не скажу, как скоро кто понял

личность Даши, но именуют ее у нас по-прежнему Дианой, особенно старательно при сторонних людях.

Имея в распоряжении собственный борт, Даша без затруднений выбиралась из столицы в Москву, когда только у нее выдавалось личное время. (По правде сказать, ведь и я появляюсь в Первопрестольной не каждый месяц, что поделаешь).

Не могу сказать, что эти занятия избавили Дашу от ее трудностей, однако же изрядно помогали их переносить. Обученные для «казачьей войны» дончаки, не боящиеся стрельбы над головой, взмахов металла (хотя у Станичника и отхвачена шашкой половинка правого уха), умеющие стремительно упасть, чтоб послужить для всадника живой защитой, из-за которой он, распластавшись, может стрелять, свирепые дончаки как-то удивительно утихомиривают душу. Громкий и шумный покой, но – покой.

Успехи ее были превосходны. Маленькая и невесомая, она словно создана была для того, чтобы взлетать «ласточкой» над седлом, проныривать на скаку перед грудью или под брюхом коня, шелкать сапожками над его ушами. Довольно скоро она впервые проехала круг стоя, на шаг, но... у меня-то и на шаг не получается.

Как же хорошо, что Даша сейчас появилась у меня! С нею прибыло ровным счетом то, что мне нужно в грядущем дне. Как я без Даши не додумалась? А ведь не подумала почему-то.

– Сегодня надо бы отдохнуть, – улыбнулась я. – Займемся-ка чем-нибудь тихим, домашним. Можно настряпать печенья для Кати, то-то она посмеется. У нее тоже дни не из легких. А завтра к Сергию? С места – воистину в карьер? В смысле – в намёт?

Даша повела себя странно. Без оглядки назад, словно облаченный во фрак мужчина, нащупав сзади ботиночком ножку стула, рухнула на него и закрыла лицо руками.

– Дашенька!

В ответ прозвучали несомненные всхлипывания. Плечики ее (говоря о Даше, невозможно не использовать уменьшительных форм, так фарфорово ее сложение) тряслись. Что же еще стряслось?! Неужели что-то неладное с Ником? Господи, только не это!

Нет, пустое, Ник благополучен, поняла я вдруг. Очень странны были эти ее рыдания, в них не звучало беды. Успокоив себя этим ощущением, я некоторое время попросту ждала, когда слезы иссякнут.

– Нет... – Она отняла, наконец, ладони от лица. – Если к Сергию, то вы без меня. Мне теперь долго-долго... Никаких тренировок... Никакого галопа... Ничего...

Слёзы ее, изобильно стекающие по щекам, сияли как жемчуг.

Глава IX

Нечаянная радость

Один за порог переступает, а другой уж через порог перешагивает, всегда говаривала няня Тася, гордая до всяких присловий.

Потрясенная, я повела себя не меньше нелепо. Опустившись на пол, я обняла Дашу вместе со стулом.

– Я и так хотела вас навестить рассказать, а тут про несчастье услышала.

– Как же чудесно. Ник, верно, вне себя он радости.

– Он не знает еще. – Лицо Даши омрачилось. – Он в последние две недели ходит такой сумеречный, что и не представляю, как к нему подступиться.

Мне вспомнились вдруг слова, которые я говорила когда-то Лере, цитируя в равной мере ненавидимого и обожаемого мною Грибоедова. Мужчины, играющие в Большую Игру, это не «мужья мальчики из жениных пажей». У них есть секреты, к которым не положено проявлять любопытства, у них есть огорчения и тревоги, которыми они не поделятся. Не от нелюбви, не от недоверия, просто – так уж обстоит дело. Но сейчас не самый верный момент говорить это Даше.

– Вот и случай немного развеять сумерки, – сказала вме-

сто этого я.

– Это будет мальчик, – уверенно изрекла царица.

– Ой ли? – улыбнулась я. – Поди и доктора еще не знают, рано. А и узнают, ведь не скажут. Уж мне так было любопытно, нет, ни в какую.

В свое время это немало обсуждалось в газетах и на общественных диспутах. Когда пол младенца сделалось возможным определять «на просвет», мнения разошлись жесточайше. Одних такая возможность приводила в восторг, других огорчала потерей интриги, сохранявшейся до последнего момента. Некоторые пытались втянуть в дебаты и духовенство, которое втягиваться за несущественностью (с их церковной колокольни) вопроса отнюдь не жаждало. Но точку поставил цех эскулапов: любопытство родителей и родни было определено «праздным», статус – разглашению не подлежащим. Медикусы иной раз умеют быть суровы.

– Вот увидите. Я не ошибаюсь. Я уже имя знаю.

– Ну, если имя, то уж сомнений быть не может. – Помнилось мне, или в моем голосе в самом деле прозвучала Наташина интонация – эта добрая легкая насмешка? – И какое же имя?

– Михаил, – ответила Даша очень серьезно. – Первое, с него начались Романовы. Второе, правящая ветвь – Михайловичи. Третье, когда Миша развернул русский флаг в Космосе, помните, сколько после этого было явилось Михайлов? До сих пор каждый третий мальчик – Мишенька. Пусть и Це-

саревич будет как ровесники.

– Умно. Имя впрямь счастливое. – Я невольно вспомнила еще об одном Михаиле из отечественной истории, всё больше занимавшем мои мысли литератора в последние месяцы: о Скопине-Шуйском.

– Михаил... – задумчиво повторила Даша.

Я видела ее словно новыми глазами: девчущку в серых походных штанах и серой рубашке поло (куртку она уже швырнула куда-то на пол). И это она, похожая на подростка, сейчас таит и несет в себе завтрашний день самой могущественной Империи? К этой мысли надо привыкнуть.

– Жаль, что нельзя пригласить в крестные Короля Людовика, – улыбнулась я, поднимаясь на ноги. – Ведь, по сути, он и познакомил вас с Ником. Как он изволит благоденствовать, кстати? Ник не упоминал?

– Грызет удила, по словам Ника. Ему ведь еще больше двух лет ждать.

– Себя бы Ник вспомнил в его годы. Одну монаршью особу я нынче уже привечала на кухне. Пойдёмте, выпьем чаю, Дашенька.

– С радостью... Нелли... Простите, Елена, я просто всё время о вас полуименем слышу, сорвалось.

– Мне это только приятно. Вы что-то хотели сказать?

– Глупость, вероятно... Но вам не слишком мой приезд утомителен? Понимаю, спрашивать поздновато, когда я уже здесь. Но вы немного... необычная сейчас. Всё время погля-

дываете в зеркало, и словно бы с тревогой, будто оттуда кто-то чужой на вас может выскочить.

Даша подметила тонко. Я в самом деле не избавилась за эти три дня от новой привычки сверяться с зеркалом. К смешению синего цвета с зеленым я уже почти приспособилась, а вот желтый вел себя то так, то эдак. Я немного побаивалась увидеть себя с синева-зеленоватыми волосами, было б весьма неприятно. Но волосы пока что вели себя хорошо.

– Нервическое, вероятно. Но даже не думайте тревожиться. Вы меня такой новостью оживили не меньше, чем походом в конюшни. А о конюшнях не горюйте: вам и некогда будет первое время, и пролетит оно быстро.

...Мы просидели на кухне часа три, и разговор шел на самые непритязательные, самые вечные темы: о младенцах и их свычах, порою довольно-таки коварных, о том, в какое время года младенцам этим лучше всего являться на белый свет. И, разумеется, у нас убедительно выходило, что и нету для этого времени удачнее Рождественских праздников.

Я с довольством отметила в мыслях, что Даша уже без прежнего напряжения говорит о светских событиях, которых на нее, в силу нынешней занятости Ника, обрушилось особенно много. Ей по-прежнему непросто, но она справляется всё лучше. Теперь не с кем мне посоветоваться, надо было раньше озаботиться. А я между тем на какое-то время, выдохнув, что Даше помогает и джигитовка, выпустила де-

ло из рук. Теперь нам придется самим. Но мы сладим, мы непременно сладим.

К вечеру, когда за окнами сгустился июльский легкий сумрак, Даша засобиралась лететь обратно в столицу. Времени-то ей удалось выкроить всего ничего.

Проводив царицу, я вспомнила, что собиралась лечь еще несколько часов тому. Неужели это – всего один день? Новодевичье, лунная пыль в моих пальцах, Миша, Дашина новость... Разве мыслимы столь длинные дни?

Все чувства мои оказались, когда я осталась одна, как-то прибиты, как алтарные свечи гасильным колпачком. Я кое-как приготовилась ко сну и, наконец, забралась в кровать. Сон сморил мгновенно, словно кто-то приложил к лицу маску с наркозом.

Это глубочайшее, целящее забытие, впервые за три дня, когда я позволяла себе лишь ненадолго сомкнуть глаза, длилось до рассвета. Я проснулась ровно в той же позе, в какой упала на постель. Полюбовалась сквозь дрему золотистыми солнечными бликами, устраиваясь поуютнее, задремала вновь, уже легче.

И Наташа, конечно же, приснилась. За окнами ее спальни была полночь, о которой подсказывали и старинные часы на столе. Одетая так же, как я ее застала, она остановилась посреди комнаты, задумываясь, взять ли сумку. Не взяла. Выходя, просто уронила ключи в карман бриджей. Шагнула в проплывающую кабинку лифта.

Вот уже, как было у нее в привычке, она почти бежала через спящий двор, в сторону Калужского тракта. Странная смена чувств отражалась на ее бледном в темноте лице. Нетерпение, улыбка, почти торжествующая, сомнение, скрывавшее лицо, будто настоящая ночная тень, уверенность, вновь его освещавшая сияющей луной... Она не могла и не хотела ждать утра. Она должна была в чем-то удостовериться – незамедлительно.

Она спешила. Очень спешила. *Куда?*

Произнеся это слово, я пробудилась окончательно.

Глава X

Отворяй ворота...

Восьмой день июля я провалялась в постели, наконец-то взявшись читать новый роман Анабеллы Ли, прихваченный еще из столицы. Американская литературная дама, моя ровесница. Анабелла Ли, конечно же, говорящий псевдоним. Но еще большую приверженность писательница выказывает к литературному кружку Меррита, что творил в начале столетия в Бостоне. Лера невероятно ее книгами увлечена, уж с месяц назад прислала мне самую распоследнюю. Я не слишком охоча читать по-английски, но Ли обыкновенно приложенных усилий стоит. Называлась книга, впрочем, по-французски: «Le sang du dragon³». На обложке юная монахиня в белоснежном дворянском эннене поила снадобьем обессиленного раненого, вне сомнения, рыцаря.

Картинка ожиданий не обманула, появившаяся с утра Катя приносила мне в кровать молоко и крендельки с корицей. Один день. Один день я в полном праве провести подобным образом. Моя душа хотела передохнуть.

И передышка пошла на пользу. На следующее утро, раным-рано, около девяти утра, я, соскочив с восемнадцато-

³ «Кровь дракона» в средневековой медицине – сорт смолы, употребляемый в толченом виде для заживления ран.

го трамвая, уже бежала к конюшне Сергея Арчединца, с сапогами в наплечной сумке и с выездковым стеклом за спиной. Утро выдалось сияющим, обещая прекрасную тренировку на плацу. После, может быть – этим же вечером, надобно будет навестить Черновых. Уж ведь скоро и девятый день, тринадцатого числа. Вне сомнения, Виринея всё устроит и без моей помощи, у нее такие вещи получаются много лучше. Но проведать их я должна. Час-другой тренировки, и я совсем оживу, это сейчас правильно.

В конюшне, около стойла Букета, переживал ребяческий восторг незнакомый худощавый господин средних лет, академической складки, очевидной невзирая и на партикулярное платье. Случается иной раз: живет-бывает себе человек без лошадей, а потом вдруг...

– А что ему принести? – расспрашивал он Славу. – Что он любит есть?

– Да он всякое любит, – веселился Слава. – Спаржу любит, трюфели, птифуры... Несите всё к нам в подсобную, а уж мы разберемся.

– Начинаю постигать этимологию выражения «не в коня корм», – рассмеялась я, подходя.

– Давно вас не было, Елена. Ох, из-за такого перерыва не разрешит вам Сергей коня-то поднимать сегодня.

Гость глянул на меня в некоторой оторопи. Я, хоть и вешу поболее невесомой Даши, но в его глазах, вероятно, не походила на особу, могущую взять Букета на ручки. Не страшно,

во всякий профессиональный язык входишь со смешными недоумениями. А ведь прав Вячеслав. Только я научилась красиво вздыбливать коня, а на колу мочало, начинай сначала.

– Так что приходите, – обернулся Слава к посетителю. – Люди и постарше вашего учатся, и слаживают. Особо не морочьте себе головы: яблоки, морковь, репка, капусты нельзя, хлеб только сухой. Сахар у нас под полным запретом.

– А кто нынче ездит? – Спросила я, когда ошарашенный гость удалился.

– Не знаю, я сам только пришел. Сергия не видел еще, хотя лессер его уже на стоянке. Так что седлаемся потихоньку.

За моей спиной хлопнула дверь, послышались шаги. Слава вдруг молодецкато вытянулся, щелкнул каблуками сапог.

Я обернулась и только что не охнула вслух, столь неожиданное показалось мне увиденное. Рядом с Сергием по проходу меж денниками шел Ник. Верно они оба только что вышли из тренерской комнаты. В самом деле Ник. Узнаваемый издали, отнюдь не играющий в инкогнито, обычный, преображенный, четкий. Как какой ни есть, но литератор, я помню, что четким бывает профиль человека, а не сам человек. Но именно этим эпитетом я каждый раз определяю издали Ника.

Но ведь они ж не знакомы? И что сейчас делать Нику в Москве? Мелькнула вовсе нелепая мысль: не явился ли он всех нас отругать за то, что взяли в команду Дашу? Глупость:

тому уже не один год, как Даша тут занимается.

– Это Вячеслав Семивёснов, Ваше Величество. – Сергей не казался удивленным. – Победитель в последних состязаниях в Самаре.

– Как же, наслышан. Благодарю за службу. – Без улыбки кивнув мне, Ник обернулся к Сергию. – Не спеши соглашаться сразу, Арчединец, но и большого времени на раздумье не даю. Спрошу ответа через сутки. Обсуди со своими людьми.

– Так точно, Ваше Величество. Немедля всех вызвоним и созовем.

– Прости, Нелли, но похоже, я тебе срываю сегодня твою тренировку. – Лицо Ника показалось мне изрядно уставшим. – Мне и с тобой необходимо поговорить.

– Я в твоём распоряжении.

Попрощавшись с казаками, мы вышли из пахнущего свежим сеном полумрака на яркое солнце.

– Я оставил автомобиль у парадного входа, – пояснил Ник. – Пройдемся немного?

Некоторое время мы шли молча, по дорожке мимо конюшен, до небольшого розария с купами «кораллового сюрприза» и маленькой статуей фавна.

– Ты не против? – Ник вытащил портсигар, опускаясь на каменную скамью.

Я только кивнула. Я не задавала вопросов, он всё скажет сам, когда и в какой мере сочтет нужным. Я просто наблюдаю.

ла, как Ник слишком медленно стягивает перчатки, выпускает на волю крошечное пламя из огнивки.

– Как ты могла заметить, я приехал сюда не только к тебе, но и еще за одним делом. – Он выпустил свое коронное тройное колечко дыма. Забавно я запуталась опять с эпитетами. У Ника ведь всё «коронное», он и есть – корона. – И, собственно, я приехал не к тебе, но за тобой. Я хочу, чтобы ты сегодня полетела со мной в столицу.

– Но... Я хотела... Ник, у меня даже особняк «законсервирован» на всё лето, и прислуга в отпуску до осени.

– А и леший с особняком. Даже лучше, если ты поживешь у нас, во дворце. Мне так будет покойнее сейчас.

Ничего не понимая, но уже напрягая всю душу, я продолжала ждать.

Бросив в урну недокурную папиросу, Ник взял меня за руку – обеими руками, зажав мою ладонь в своих теплых и надежных ладонях.

– Мы должны быть сейчас вместе. – Его глаза наполнялись болью, как влагой. – Я не могу долее держать тебя в неведении. Нелли, милая... Мы уже однажды прошли с тобой через это вдвоем – и вышли с победой. В тот раз Брюс тоже рисковал жизнью. Сейчас он вновь нуждается в твоих молитвах.

Глава XI

Новый удар

Как мечтала я всю сознательную жизнь походить на Наташу, сохранявшую безупречное спокойствие в любых обстоятельствах. Увы, у меня так не выходило, многовато пылкости нрава. Из пустяков я даю себе волю слишком уж часто, при неприятностях более значительных – пореже. Но всерьез взять себя в руки я способна только если случается что-то очень плохое.

– Ты можешь мне что-нибудь рассказать? Помимо того, что сказал? – Голос мой прозвучал ровно, очень ровно.

– Кое-что могу, да. – Ник нахмурился. Я только сейчас заметила, что со дня нашей последней встречи он начал отращивать небольшие баки. – Но лучше по дороге.

– Ник, извини. Но лучше здесь и сейчас. Я должна принять решение. Я могу быть здесь нужна, ты ведь понимаешь. Я пока не знаю – грозит ли мне опасность, только ли мне. Ник, я превосходным образом помню, что ты в полном своем праве, нашим детством, нашим всем бывшим, я закливаю тебя позволить мне решать самой, Ник!

Голос мой чуть пошел вверх. Нельзя. Нельзя допустить ничего, что передается на письме с помощью восклицательных знаков.

– Будь по-твоему, всегдашняя ты упрямица. – Ник резко поднялся и несколько раз прошелся по розарию. – У нас есть два с половиной часа.

Я молчала. Он медлил, собираясь с мыслями, продолжая мерить шагами маленькую гравиевую площадку, насыпанную вокруг каменного озорника.

– Ты помнишь, что, когда Иоанн начал наводить порядок у себя в стране, идейные красноэмигранты и часть масонской публики предпочли убраться подальше.

Итак, Ник не пошел навстречу моим естественным чувствам смертельно испуганной женщины, огромной моей тревогой. Не со слов о том, где сейчас Роман и не ранен ли, начал он повествование. В этом заключалось своего рода особое доверие, которое мне надлежало оправдать.

– Это не могло не радовать, но всякая вещь имеет свою изнанку. Последние года полтора мы эту изнанку и наблюдаем.

Гравий поскрипывал. Цветы, нагреваясь под набирающим силу солнцем, точили тонкий запах, негромко, словно в полудрёме. А вокруг словно бы тоже спала летняя полупустая Москва. Как же всё спокойно вокруг, как всё мучительно спокойно...

Упавший розовый лепесток прилип к сверкающему сапогу Ника. Я почему-то знала, что вид этого лепестка на черном сафьяне, чуть увядшего по краю полупрозрачного лепестка, запомнится мне навсегда. Вот только чем он запом-

нится? Воспоминанием о том, как мы вновь переживали вместе сокрушительную тревогу, или же... Или же одной из картинок беды, которая разорвет мою жизнь пополам.

– Ты ведь экономической наукой интересуешься мало, – продолжил Ник. – Ты когда-нибудь слышала такой термин – «постиндустриализм»?

– Пару раз, вероятно, где-то промелькнуло. Но значения этого слова я не знаю.

– Видишь ли... Существует такая экономическая теория, довольно безумная, но в определенном смысле притягательная. Она исходит от левых, как обыкновенно всякая ересь. Вот вообрази, ты, допустим, решила похлопотать на кухне...

– Ты излагаешь суть вопроса в доступных женскому уму понятиях, – я попыталась улыбнуться. Губы меня не послушались.

– Я стараюсь. – Каким же ласковым был сейчас его взгляд! – Но от конкретного мы пройдем к обобщению. Ты взялась за кухонное полотенце, за прихватку для печи. И то и другое сделано не из нашего среднеазиатского хлопка, как обычно, но, допустим, из китайского. Не только из китайской ткани, но и скроено китайками и прострочено ими же. Ты отворила холодильный шкаф. Там стоит жестянка солёных огурцов... выращенных и обработанных в Бирме. В ящике для свежих фруктов лежат яблоки из Албании. Ниже, в леднике, хранится монгольская баранина, подвергнутая глубокой заморозке. А сам шкаф склёпан корейцами.

– Так не бывает. – Я понимала, что раз Ник понёс подобную околесицу, то для этого есть серьезная причина, но не недоумевать, конечно же, не могла. – Ни один сумасшедший не станет загружать торговый транспорт тем, что можно вырастить у себя. Импорт это либо то, что в некоей стране не растет, финики какие-нибудь или бананы, или специальности. Тот же хлопок мы покупаем и мадрасский, но только потому, что на него есть особые любители, а не из того, что у самих хлопка недостает. Хоть я в экономике и не разбираюсь, но школьные азы-то всё ж помню. А это еще в младших классах гимназии объясняют.

– Нелли, ты рассуждаешь как и следовало бы ожидать от здравомыслящей русской женщины, живущей в середине девяностых годов двадцатого века. Но мы же помним, что энтропия это не только кровопролитие. Ему предшествуют теории, причем не только политические или религиозные, но, к примеру, и экономические.

Невдалеке гневно и громогласно заржал конь. Но ржание прекратилось резко, словно коня попросили соблюдать приличия ввиду незримо простертого сейчас над ипподромом желтого флага.

– В двух словах, суть постиндустриализма сводится к следующему. Промышленность де портит природу.

– В какой-то степени, вне сомнения. – Я пожала плечами. – Но в допромышленные времена как-то не хочется возвращаться. Думаю – никому. Не сохой же пахать.

– Не *до*промышленные, Нелли, – с нажимом произнес Ник. – *Пост*промышленные. Это теория вывода промышленности из страны. Шире, из всего цивилизованного мира.

– Но... куда?

– В бедные и дикие страны. Самая подлая приманка этой теории – многократное увеличение прибыли. Русский, французский или израильский литейщик трудится не из хлеба. Ему нужны и собственное жильё, и автомобиль, и поездки на курорты, и деньги на детское образование, если казенного покажется недостаточно. Словом – на тысячу всяческих потреб. Но есть страны, где ту же работу возьмут просто ради того, чтобы не умирать с голоду. И вообрази... В богатых странах постепенно умалются ряд профессий, тяжелый труд уходит. Вместо дымящих заводских труб и гудящих фабричных корпусов повсеместно появляются леса, парки, прочие приятства. Под пашню также отводится всё меньше земли. Впрочем, тут у них свои борения, у левых экономистов. Выводить и сельское хозяйство за пределы цивилизации жаждут самые развесёлые из них. Думаю, ты поняла основную идею. Из всех возможных видов производства цивилизованные страны оставляют себе лишь самый приятный слой, кремовые розочки. Мы перестаем производить весь набор жизненно необходимого.

– Но... Ник, это же надувание мыльных пузырей! Если вдруг... ну не знаю... в Китае возникла какая-нибудь лёгочная чума... Сообщение прерывается... Что тогда – всё вста-

нет?

– О таких перспективах не хочется думать, когда наживка столь соблазнительна. Да, в Китае эпидемия – а мы без хлопота, ибо в Средней Азии у нас культивируется теперь только небольшое количество самых изысканных фруктов. И это еще не самое худшее. Но речь не о Китае. Там хоть и дешевле рабочие руки, но постиндустриалисты смотрят совсем в иную сторону. Они приглядываются к Чёрной Африке. К так называемым *свободным* странам. Там, видишь ли, платить за труд можно *еще* меньше. Договоренность с местными тиранами – и руки предоставлены не рабочие, а попросту рабские.

– Я начинаю немного понимать. – Теперь, как мне казалось, я уже могла задавать вопросы. – Но всё же, почему в Африке Роман? Он ведь не экономист...

– Ты держишься молодцом, Нелли. Еще немного твоего терпения. Совсем немного.

Ник замолчал, явно выбирая дальнейшие слова. Снова послышалось ржанье, но мелодичное, долгое, кобылье.

– Я и начал с того, что мы неплохо потрудились за десять лет в Америке. Но за более, чем половину столетия, красная эмиграция влилась в тамошние масонские круги. Между тем свои масоны, хоть и полузапрещенные, остались внутри, в презрительном количестве. Сколько их среди крупных предпринимателей? Они собирают и свои тайные визенгамоты. Именно в Америке экономический авантюризм заше-

велился всерьез. Красиво, что красным пришлось массово разбегаться по Африкам, с чего я и начал. А вот и изнаночная сторона. Мы подозреваем, что *свободные* страны, сиречь управляемые диктаторами полурабовладельческие квази-государства, сейчас ведут переговоры с некоторыми кругами американского бизнеса. Вывод производства из страны может быть, до некоего часа, почти незаметным. Крупное строительство непонятного назначения, движение человеческих масс, слухи и интонации... Подобной разведки Брюс не поручит никому, кроме себя самого. И будет прав. Он остановится там, где добрая дюжина неглупых профессионалов тем не менее пройдёт мимо. Он задержится там, где другие не сочтут нужным и побывать. Он один услышит вдесятеро больше десятерых. Ты это знаешь, Нелли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.